

Вісник

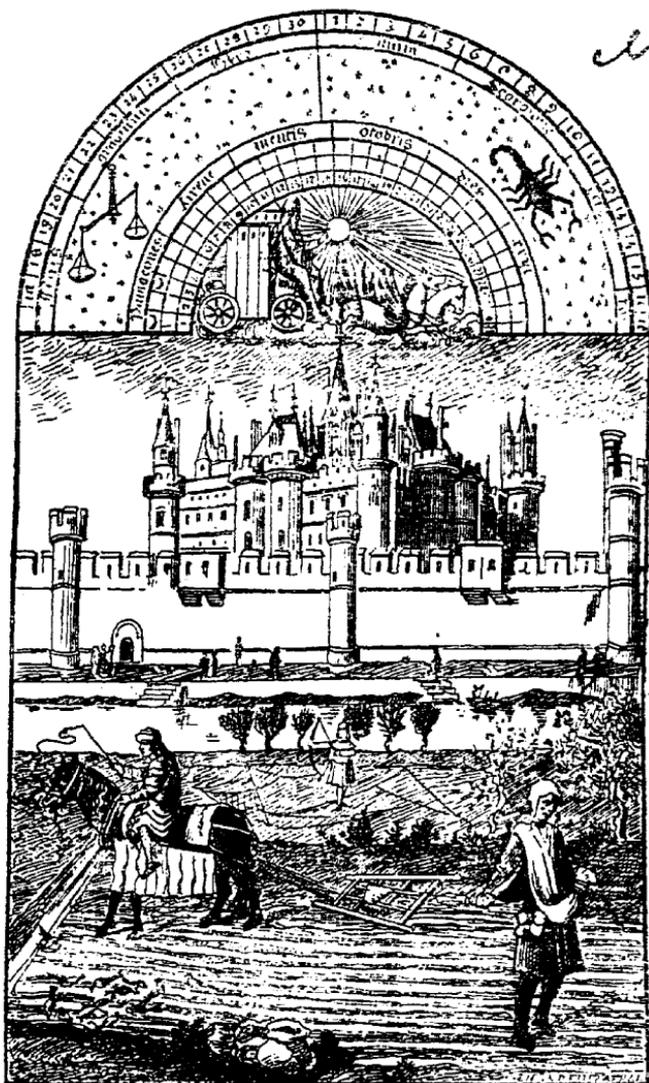
№ 1

1906

11
02
2
ВѢСЫ ☉ ЯНВАРЬ ☉ 1906

La Balance. Janvier. 1906.

Книгоиздательство «СКОРПИОНЪ»
Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23.

«ВѢСЫ» ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ изданія третій 1906. N 1, январь.

СОДЕРЖАНІЕ.

К. Бальмонтъ. Надъ вѣчнымъ моремъ. 18 стихотвореній.	1
Ж. Мореасъ. Дѣва Марія на Турнирѣ.	23
Валерій Брюсовъ. Республика Южнаго Креста.	25
✓ А. Бѣлый, Ибсенъ и Достоевскій	47
G. Rapini. Письмо изъ Италіи.	55
А. Лютеръ. Нѣмецкая литература въ 1905 г.	65
Борисъ Бугаевъ. На Перевалѣ	69
Аврелій, Вѣхи. II. Исканія новой сцены.	72
О книгахъ (К. Д. Бальмонтъ, Фейныя сказки.—Сергій Рафаловичъ. Свѣтлыя пѣсни.—Fridolin Werm. Râques fleuries et Poèmes. — Rossica Dughimata.—Общественныя движенія въ Россіи.—Дека- бристы. Тайныя общества въ Россіи.—Декабристы въ Западной Сибири.—Графъ де-ла-Баргъ. Шагобріанъ и поэтика мировой скорби во Франціи.—И. А. Крыловъ. Полное собраніе сочиненій. —Джорджъ Беркли. Трактатъ о началахъ человѣческаго Знанія.— Проф. С. Ньюкомъ. Астрономія для всѣхъ.—Insel-Almanach auf das Jahr 1906.—Послѣднія изданія к-ва «Скорпіонъ»)	76
Въ журналахъ и газетахъ. (Конецъ «молодыхъ». — О послѣдней книгѣ О. Уайльда. — «Athenaeum» о «Петрѣ» Д. С. Мережковскаго. — Тютчевъ) —	87
Лѣтопись литературы и искусствъ	91
Отъ редакціи.	94
Указатель къ журналу «Вѣсы» за 1905 г.	97
Обложка, рисунки, заставки и виньетки художника Н. Сапунова. Фронтисписъ—миниатюра XIV вѣка.	

Замснено
29/10

СОДЕРЖАНИЕ.

SOMMAIRE.

C. Balmont. Au bord de la mer éternelle. (Poésies).—Jean Moréas. La Vierge au tournoi. — Valère Brussov. République de la Croix du Sud.—André Biély. Ibsen et Dostoïevsky.—G. Papini. Une lettre d'Italie. — A. Luther. Littérature allemande en 1905.—B. Bougaïeff. Volynsky et Rozanoff.—Aurèle. Recherches d'un théâtre nouveau.—Bibliographie (Comptes-rendus sur les livres de MM. C. Balmont. S. Rafalovitch, Fridolin Werm. Rossica Dyghimata, Mouvements politiques en Russie, Sociétés secrètes en Russie, Le Comte de La Barte, Œuvre complète d'Ivan Kryloff, G. Berkley, S. Newcom, Insel-Almanach.—Editions récentes de la Librairie «Le Scorpion»).— Les journaux et les revues (Temple bar, Le Beffroi, The Athenaeum, Naoutchnoïe Slovo). Chroniques de la vie artistique et littéraire.

Couverture, dessins, vignettes et autres ornements par M. Nicolas Sapounoff. Frontispice—miniature du Livre d'Heures du duc de Berri.

НАДЪ ВѢЧНЫМЪ МОРЕМЪ.

18 стихотвореній К. Бальмонта.

1. ДРАМЫ МІРА.

Всѣ драмы міра—на любви,
 Или съ любовью слиты.
 Всѣхъ скальдовъ міра позови,
 И скажутъ:—Пѣснь живетъ въ крови,
 Въ сердцахъ, что страстью взрты.

И если нѣжно я пою,
 Мой другъ, не вѣруй чуду:—
 Я просто въ строки алость лью,
 Мой другъ, чужую и свою:—
 Я скальдъ, и скальдомъ буду.

2. ТАЛИСМАНЫ.

Судьба на утрѣ дней дала мнѣ талисманы,
Число ихъ было три, и разны смыслы ихъ.
Одинъ меня повелъ въ невѣдомыя страны,
И тамъ впервые я влюбленный былъ женихъ.

Другой мнѣ изъяснилъ искусство завладѣнья
Сердцами,—я сердцецъ покорныхъ не сочту.
А третій мнѣ явилъ тропинку нисхожденья,
Не въ глубину Земли—въ меня, въ мою мечту.

И первый талисманъ, смѣясь, я бросилъ въ Море,
Второй швырнулъ въ окно, быть можетъ подниму.
Но третій талисманъ—звѣзда въ моемъ уборѣ,
Я вѣрую теперь ему лишь одному.

3. ИЗУМРУДНАЯ ПТИЦА.

Кат уасипаһ кат та уа та уа.

Майскія псымена.

Въ Паленке, межъ руинъ, гдѣ Майская царица
Велѣла изваять безсмертныя слова,
Я грезилъ въ яркѣй зной, и мнѣ приснилась птица
Тѣхъ дней, но и теперь она была жива.

Вся изумрудная, съ хвостомъ нарядно-длиннымъ
Какъ грезы—крылышки, ее зовутъ Кветцаль.
Она живетъ какъ сонъ, въ горахъ, въ лѣсу пустынномъ,
Чуть взглянешь на нее—въ душѣ поетъ печаль.

Красива птица та, въ ней вешній цвѣтъ наряда,
Въ ней гонко-нѣжно все, въ ней сказоченъ весь видъ.
Но какъ колодець—грусть ея нѣмого взгляда,
И чуть ей скажешь что—сейчасъ же улетитъ.

Я грезилъ. Сколько лѣтъ, вѣковъ, тысячелѣтій,
Сказать бы я не могъ—и для чего считать?
Мнѣ мнилось, межъ могилъ рѣзвясь, играютъ дѣти,
И изумрудъ Кветцаль не устаеъ блистать.

Гигантской пеленой переходило Море
Изъ края въ край Земли, волной росла трава.
Вдругъ дрогнулъ изумрудъ, и на стѣнномъ узорѣ
Прочелъ я скрытыя въ ваяннн слова:—

«О, ты грядущихъ дней! Коль умъ твой разумѣть,
«Ты спросишь: Кто мы?—Кто? Спроси зарю, поля,
«Волну, раскаты бурь, и шумъ вѣтровъ, что вѣетъ,
«Лѣса! Спроси любовь! Кто мы? А! Мы—Земля!»

4. У МОРЯ.

Мы зависимъ отъ дней и ночей,
Отъ вещей и людей и погоды.
Мы въ разлукѣ съ душою своею,
Съ ней не видимся долгіе годы,
Мы бряцаемъ металломъ цѣпей,
Мы заходимъ подъ темные своды.
Мы изъ цѣлой Природы, изъ всей,
Взяли рабство, не взявши свободы.

Но приди лишь на влажный песокъ,
Освѣженный морскими волнами.
Посмотри, какъ просторъ здѣсь широкъ,
Какъ бездонно здѣсь Небо надъ нами.
Лишь услышишь, чуть подслушай намекъ,
Набаюканный сердцу морями,—
Ты, какъ духъ, ты окончилъ свой срокъ,
Ты какъ духъ надъ безбрежными снами.

Въ многопѣвности сказокъ морскихъ,
Въ безгѣлесности призрачной Влаги,
Гдѣ исподъ изначальностей тихъ,
Ни для чьей недоступенъ отваги,—
Въ отрѣшенъи отъ шумовъ людскихъ,
Какъ мы смѣлы здѣсь, вольны, и наги,—
Ты здѣсь первый несозданный стихъ,
Изъ еще не рассказанной саги.

5. ОРХИДЕЯ.

(Елкнъ ***)

Я былъ въ тропическихъ лѣсахъ,
 Я ждалъ увидѣть орхидеи.
 О, эти стебли точно змѣи,
 Печать грѣха на лепесткахъ.

Того, что здѣсь грѣхомъ зовется,
 Во мглѣ мѣщанствующихъ дней.
 О, гроздя жадныхъ орхидей,
 Я видѣлъ, какъ ваша стебель вьется.

Въ переплетенности стволовъ
 Другъ друга душашихъ растений,
 Среди пьянящихъ испареній,
 Я рвалъ любовный цвѣтъ грѣховъ.

Склонясь надъ чашей поцѣлуйной,
 Въ раскатномъ рокотѣ цикаль,
 Вдыхалъ я тонкій сладкій ядъ,
 Лелѣино-зыбкій, многоструйный.

Какъ будто чей-то нѣжный ротъ,
 Нѣжной, чѣмъ бредъ влюбленной феи,
 Вотъ, этотъ запахъ орхидеи
 Пьянитъ, пьянитъ, и волю пьетъ.

6. НЕ ВЕРНУВШІЙСЯ.

«Я вернусь къ вамъ потомъ. Я вернусь къ вамъ съ Царевной!»
Такъ молилъ я своихъ на своемъ кораблѣ.
«Отпустите меня».—Но съ угрюмостью гнѣвной
Мнѣ твердили они о добрѣ и о злѣ.

Упала въ мой слухъ ихъ ворчня однозвучно.—
«Что жъ, мы будемъ здѣсь слушать морской этотъ гулъ?»—
И мнѣ стало межъ ними такъ скучно, такъ скучно,
Что я прыгъ съ корабля ихъ, и вотъ утоную.

О, счастливый прыжокъ! Ты навѣки избавилъ
Человѣка Земли, но съ морскою душой.
Въ тѣснотѣ корабля я вверху ихъ оставилъ
И съ тобой я, Морская Царевна, я твой.

День и ночь хороводы намъ водять ундины,
Аметисты въ глазахъ у Морского Царя,
Головой онъ тряхнетъ,—и инны картины,
Утро нашей Земли, дней послѣднихъ Заря.

Сказки рыбокъ морскихъ такъ безгласно-напѣвны,
Точно души проходятъ, дрожа по струнамъ,
И мечтать на груди у тебя, у Царевны,—
О, товарищи дней, не вернуться мнѣ къ вамъ.

Я вамъ честно солгалъ, не зовите измѣннымъ,
Но настолько все странно въ морской глубинѣ,
Такъ желанно мнѣ здѣсь въ этомъ мѣрѣ безпѣнномъ,
Что не нужно объятія братскаго мнѣ.

Да и вамъ не понять, верховзорнымъ, оттуда,
Какъ узорны здѣсь краски, и сны, и цвѣты.
О, Царевна морей, имъ—ты чуждое Чудо,
Мнѣ же тамъ только мѣрѣ—гдѣ глубины и ты.

7. ТАЙНА ЖЕМЧУГОВЪ.

Если бъ ложью было то,
Что Морской есть царь съ Царевой,
Въ нихъ не вѣрилъ бы никто.
Не возникъ бы мѣръ напѣвный.

Мы однако же поемъ,
Мы о нихъ слагаемъ сказки.
Отчего? На днѣ морскомъ
Мы извѣдали ихъ ласки.

Много разныхъ есть морей,
Но въ моряхъ одна Царевна,
Кто хоть разъ предсталъ предъ ней
Рѣчь того навѣкъ напѣвна.

Но красивѣй всѣхъ поетъ
Тотъ, кто зналъ уста Прекрасной.
Только, вотъ который годъ
Нѣтъ намъ пѣсни полногласной.

Можетъ, кто-то въ глубинѣ
Слишкомъ сильно полюбился.
Мы помолимся Лунѣ,
Чтобъ тайфунъ до бездны взрылся.

Чтобъ до нашихъ береговъ
Кинуль милаго отъ милой.
Чтобъ глубинныхъ жемчуговъ
Намъ онъ бросилъ съ гордой силой.

И рыдали бы въ струнѣ,
Ослѣпительно-напѣвны,
Сны увидѣнной во снѣ,
Стоны страсти въ глубинѣ,
Крикъ покинутой Царевны.

8. НА ОГНѢ МИНУТЬ.

То, въ чемъ страхъ для васъ,
Вѣчно-близко мнѣ,
Я—змѣнный глазъ,
Я горю въ Огнѣ.

Я перистый Змѣй,
Изумрудный сонъ,
Я волшебный Фей,
Мнѣ мой смѣхъ—законъ.

Захочу чего,
Вотъ оно ужь тутъ.
Вотъ я мчу его
На крылахъ минутъ.

На огнѣ минутъ,
Въ брызгахъ яркихъ словъ
Хорошо цвѣтутъ
Опьяненья сновъ.

9. ТЫ ДАЛЕКО.

Ты далеко, но говоришь со мной.
Въ чужихъ краяхъ, но мы съ тобою близки.
Такъ не сумѣть, въ часъ ночной,
Арабъ быть близкимъ къ одалискѣ.

Цвѣточный сонъ! Кто тамъ идетъ, спѣша?
Какая мысль меня сейчасъ волнуетъ?
Твоя освобожденная душа
Меня цѣлуетъ.

10. СТВОРКИ РАКОВИНЪ.

Створки раковинъ я вижу на пескѣ.
 Въ створкахъ раковинокъ кто-то жилъ когда-то.
 Чайка бѣлая мелькнула вдалекѣ.
 Помнишь брата?

Чайка, помнишь? Чайка, помнишь?—Нѣтъ пути
 Рѣчь вести со всѣмъ кругомъ, что такъ люблю я.
 Лишь одно могу—узоры словъ сплести
 Изъ стиховъ и поцѣлуя.

II. БЛѢДНАЯ СКАЗКА.

Какая грусть въ прозрачности Небесъ,
Въ бездонности съ единственной Звѣздою.
Изваянь, отодвинуть въ Вѣчность лѣсъ,
Удвоенный глубокою водою.

Изъ края въ край уходитъ длинный путь.
Хрустальный воздухъ холоденъ, безъ ласки.
О, Май, ужель ты былъ когда-нибудь?
Весь міръ—печаль застывшей блѣдной сказки.

12. ПРОЩАЙ.

Мнѣ жаль. Блѣднѣютъ лепестки.
Мнѣ жаль. Кругомъ все меньше свѣта.
Я вижу, въ зеркалѣ рѣки
Печаль туманностью одѣта.

Зажглась Вечерняя Звѣзда,
И сколько слезъ въ ея мерцаньяхъ.
Прощай. Бездонно. Навсегда.
Застынь звѣздой въ своихъ рыданьяхъ.

13. ОМУТЬ.

Надъ омутомъ жутко-нѣмымъ, глянцевитымъ,
Ущербная свѣтитъ Луна,
Съ лицомъ опрокинутымъ, странно неслитымъ
Съ покоемъ полночнаго сна.

Но слитная страшно съ той пропастью властной,
Съ тѣмъ круглымъ застывшимъ жерломъ,
Гдѣ прошлую осенью, ночью ненастной,
Они утопились вдвоемъ.

Они, эти странные блѣдные люди,
Которыхъ встрѣчалъ я весной,
Когда расцвѣтали на влагѣ, какъ въ чудѣ,
Кувшинки подъ новой Луной.

14. ЧУДОВИЩЕ СЪ КЛЕЙМОМЪ.

Я опустил свой лоть. Мой лоть—до дна морей.
Я смѣрилъ глубину всѣхъ внятныхъ Океановъ.
Я былъ во всѣхъ домахъ. Стоялъ у всѣхъ дверей,
Вкусилъ отъ меда пчель. Извѣдалъ ядъ обмановъ.

Мнѣ имя Легионъ, средь геніевъ, чей знакъ—
Вопросъ, всегда вопросъ, повсюду вопрошанье.
Я раздвоилъ весь Міръ. Полярность. Свѣтъ и Мракъ.
Вновь слилъ я Тьму и Свѣтъ. И пѣльнымъ сдѣлалъ Зданье.

Но жить въ немъ не хочу. Я знаю всѣ углы.
Святая лѣтопись, но на звѣриной кожѣ.
Все—безразлично что, кроты или орлы—
Чудовище съ клеймомъ: Всегда-Одно-и-То-же.

15. СКРИПКА.

Скрипку слушаль я вчера.
О, какъ звонко трепетала,
Человѣчески рыдала
Эта тонкая игра.

Въ нарастающемъ ручьѣ,
Убѣдительномъ, разливномъ,
Такъ мучительно-призывномъ,
Духъ подобенъ былъ змѣѣ.

Бриллиантовой змѣей,
Развернулъ свои онъ звеня,
Вовлекалъ въ свои мученя,
И владѣлъ моею душой.

И пока онъ гѣлъ и пѣлъ,
Я увидѣлъ, лунно-сонный,
Какъ двойникъ мой озаренный
Отошелъ въ иной предѣлъ.

Былъ онъ въ морѣ бѣлыхъ розъ,
Съ кѣмъ-то бѣлымъ тамъ встрѣчался,
Съ яркимъ звукомъ оборвался,
И вернулся въ брызгахъ слезъ.

16. ПТИЧКА.

Птичка сѣрая летаетъ
Каждый вечеръ подъ окно.
Голосокъ въ кустахъ рыдаетъ.
Что-то кончилось давно.

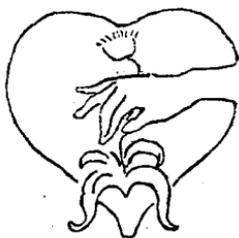
Звуки бьются такъ воздушно,
Плачутъ тоньше, чѣмъ струна.
Но внимають равнодушно
Миръ, и Небо, и Луна.

Надъ усальбою старинной
Будто вовсе умеръ день.
Подъ окошкомъ тополь длинный
До забора бросилъ тѣнь.

Стало призракомъ свиданье,
Было сномъ и стало сномъ.
Лишь воздушное рыданье—
Словно память подъ окномъ.

Эти звуки тонко лились
Здѣсь и въ дѣдовскіе дни.
Ничему не научились
Ни потомки, ни они.

Вѣчно будетъ тополь длинный
Холить траурную тѣнь.
Въ сказкѣ счастья паутиной
Разъ былъ день, и умеръ день.

17. ПОЛНОЧНЫЙ ЧАСЪ

Полночный часъ. Вѣдовски-страшный часъ.
День скоронень. И вновь родится сложность,
Разъять восторгъ и пытку—невозможность.
Изъ вышнихъ безднъ глядитъ бездонность глазъ

Какъ жутко мнѣ. Вотъ глуше все и тише.
И вѣянье я слышу въ тишинѣ.
Такъ бархатно. Какъ будто льнетъ ко мнѣ
Беззвучное крыло летучей мыши.

18. МИРОВОЕ ДЕРЕВО.

Подъ старымъ дубомъ я сидѣлъ.
Кругомъ тепло, свѣтло.
А старый дубъ гудѣлъ и пѣлъ.
Я заглянулъ въ душло.

Тамъ былъ пчелиный дикій рой.
Онѣ жужжать, поютъ.
Красавецъ лѣса вѣковой
Минутнымъ далъ пріютъ.

Не такъ же ль мы, жужжимъ, поемъ,
Въ пещерахъ міровыхъ?
Въ дуплистомъ Небѣ, круговомъ,
Поемъ Судьбѣ свой стихъ.

Но насъ не слышитъ Игдразиль
Таинственныхъ судьбъ.
Мы въ медь сольемъ цвѣтную пыль,
Но медь нашъ сложимъ въ склепъ.

И лишь въ глубокой часъ ночей,
Когда такъ вѣщи сны,
Узоръ звѣздящихся вѣтвей
Намъ свѣтитъ съ вышины.

К. Бальмонтъ.

ДѢВА МАРІЯ НА ТУРНИРѢ.

(Изъ «Разказовъ Старой Франціи» Жана Мореаса).

Господи Иисусе! какъ славно бьется, во брани и на ристалищѣ тотъ, кто отъ добраго сердца посѣщаетъ храмы Божіе и чититъ чудеса пресвятой Дѣвы Маріи!

Нѣкій рыцарь, образецъ доблести и вѣжества, удалый и храбрый, преисполненъ былъ любви къ Дѣвѣ Маріи.

И вотъ случилось, что однажды, поспѣшая верхомъ на турниръ, куда желалъ прибыть въ числѣ первыхъ, услышалъ онъ благовѣсть въ церкви. Не задумываясь, Рыцарь устремился прямо ко храму на божественную службу. Отслужили одну обѣдню Дѣвѣ Маріи, потомъ начали другую. Рыцарь ото всего сердца молился Пречистой, но когда кончилась вторая обѣдня, началась третья. И Рыцарь все оставался тамъ, какъ на говѣніи.

— «Господинъ!» сказалъ ему оруженосецъ, «клянусь тѣломъ Господнимъ! часъ турнира проходитъ. Что вы медлите здѣсь? Уйдемте, прошу васъ. Ужъ не хотите ли вы стать отшельникомъ? Поѣдемте на свое дѣло!».

— «Другъ!» отвѣчалъ ему Рыцарь, «кто слушаетъ божественную службу, тѣмъ самымъ честно бьется на ристалищѣ. Когда обѣдни кончатся, мы отправимся. Если Богу угодно, раньше я не поѣду. Но послѣ, поистинѣ, буду биться какъ слѣдуетъ!».

И, повернувшись къ алтарю, онъ слушаетъ всѣ святыя пѣнопѣнія до конца.

Затѣмъ садится на коня и ѣдетъ, въ сопровожденіи отрока, къ тому мѣсту, гдѣ должно было происходить состязаніе.

По пути они встрѣтили рыцарей, которые возвращались съ ристалища, ибо турниръ былъ совершенно разыгранъ.

* Jean Moréas. Contes de la Vieille France. P. 1905. Mercure de France.

Они всѣ привѣтствовали Рыцаря, который ѣхалъ съ обѣдни, славили его и говорили, что никто еще до того времени не проявлялъ отваги, подобной его, и что онъ заслужилъ себѣ вѣчную славу.

— «Мы ваши плѣнники», говорили они, «мы не можемъ отвергать, что вы покорили насъ силой оружія».

Нашъ Рыцарь былъ очень пораженъ этими словами, но онъ тотчасъ понялъ, что Та, Которой онъ столько молился во храмѣ, заняла на турнирѣ его мѣсто.

— «Слушайте меня всѣ», сказалъ онъ, «и вы узнаете про великое чудо».

Тутъ онъ рассказываетъ имъ, какъ онъ слушалъ обѣдни, и что онъ вовсе не былъ на ристалищѣ и не преломилъ тамъ ни единого копья. Но это, безъ сомнѣнія, Непорочная Дѣва Марія, Которую ублажалъ онъ въ церкви, подняла копье вмѣсто него.

— «Бой, въ который Она вступила за меня», сказалъ онъ, «былъ славенъ. Но я бы дурно воспользовался имъ, если бы теперь возвратился къ мірской суетѣ».

Онъ дастъ обѣтъ Богу состязаться отнынѣ лишь предъ истиннымъ Судіей, Который отличить, кто рыцарь добрый и каждому воздастъ по дѣламъ его. Потомъ, съ сердечнымъ сокрушеніемъ, прощается онъ съ своими друзьями, плачущими горько.

Рыцарь съ того дня служилъ Дѣвѣ Маріи въ одной обители. Воистину онъ избралъ путь, что ведетъ къ благому концу.

Съ французскаго Аврелия.

РЕСПУБЛИКА ЮЖНАГО КРЕСТА.

Изъ спеціальнаго № «СѢВЕРНО-ЕВРОПЕЙСКАГО ВѢЧЕРНЯГО ВѢСТНИКА»

За послѣднее время появился цѣлый рядъ описаній страшной катастрофы, постигшей Республику Южнаго Креста. Они поразительно разнятся между собой и передають не мало событій, явно фантастическихъ и невѣроятныхъ. Повидимому, составители этихъ описаній слишкомъ довѣрчиво относились къ показаніямъ спасшихся жителей Звѣзднаго города, которые, какъ извѣстно, всѣ были поражены психическимъ разстройствомъ. Вотъ почему мы считаемъ полезнымъ и своевременнымъ сдѣлать здѣсь сводъ всѣхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, какія пока имѣемъ о трагедіи, разыгравшейся на Южномъ полюсѣ.

Республика Южнаго Креста возникла сорокъ лѣтъ тому назадъ изъ треста сталелитейныхъ заводовъ, расположенныхъ въ южно-полярныхъ областяхъ. Въ циркулярной нотѣ, разосланной правительствамъ всего земнаго шара, новое государство выразило притязанія на всѣ земли, какъ материковыя такъ и островныя, заключенныя въ предѣлахъ южно-полярнаго круга, равно какъ на всѣ части этихъ земель, выходящія изъ указанныхъ предѣловъ. Земли эти оно изъявляло готовность пріобрѣсти покупкой у государствъ, считавшихъ ихъ подъ своимъ протекторатомъ. Претензіи новой Республики не встрѣтили противодѣйствія со стороны пятнадцати великихъ державъ міра. Спорные вопросы о нѣкоторыхъ островахъ, всецѣло лежащихъ за полярнымъ кругомъ, но тѣсно примыкавшихъ къ южно-полярнымъ областямъ, по-

требовали отдѣльныхъ трактатовъ. По исполненіи различныхъ формальностей Республика Южнаго Креста была принята въ семью міровыхъ государствъ и представители ея аккредитованы при ихъ правительствахъ.

Главный городъ Республики, получившій названіе Звѣзднаго, былъ расположенъ на самомъ полюсѣ. Въ той воображаемой точкѣ, гдѣ проходитъ земная ось и сходятся всѣ земные меридіаны, стояло зданіе городской ратуши, и остріе ея шпиля, подымавшагося надъ городской крышей, было направлено къ небесному надиру. Улицы города расходились по меридіанамъ отъ ратуши, а меридіональныя пересѣкались другими, шедшими по параллельнымъ кругамъ. Высота всѣхъ строеній и внѣшность построекъ, были одинаковы. Оконъ въ стѣнахъ не было, такъ какъ зданія освѣщались изнутри, электричествомъ. Электричествомъ же освѣщались и улицы. Въ виду суровости климата, надъ городомъ была устроена непроницаемая для свѣта крыша, съ могучими вентиляторами для постоянного обмѣна воздуха. Тѣ мѣстности земнаго шара знаютъ въ теченіе года лишь одинъ день въ шесть мѣсяцевъ и одну долгую ночь, тоже въ шесть мѣсяцевъ, но улицы Звѣзднаго города были неизмѣнно залиты яснымъ и ровнымъ свѣтомъ. Подобно этому, во всѣ времена года, температура на улицахъ искусственно поддерживалась на одной и той же высотѣ.

По послѣдней переписи, число жителей Звѣзднаго города достигало 2,500.000 человекъ. Все остальное населеніе Республики, исчислявшееся въ 50.000.000, сосредоточивалось вокругъ портовъ и заводовъ. Эти пункты образовывали тоже миллионныя скопленія людей, и по внѣшнему устройству напоминали Звѣздный городъ. Благодаря остроумному примѣненію электрической силы, входы въ мѣстныя гавани оставались открытыми весь годъ. Подвѣсныя электрическія дороги соединяли между собой населенныя мѣста Республики, перекидывая ежедневно изъ одного города въ другой десятки тысячи людей и миллионы килограммовъ товара. Что касается внутренности страны, то она оставалась необитаемой. Передъ взорами путешественниковъ, въ окно вагона, проходили только однообразныя пустыни, со-

вершено бѣлыя зимой и поросшія скудной травой въ три лѣтнихъ мѣсяца. Дикія животныя были давно истреблены, а чело-вѣку нечѣмъ было существовать тамъ. И тѣмъ поразительнѣе была напряженная жизнь портовыхъ городовъ и заводскихъ центровъ. Чтобы дать понятіе объ этой жизни, достаточно сказать, что за послѣдніе годы около семи десятыхъ всего металла, добываемаго на землѣ, поступало на обработку въ государственные заводы Республики.

Конституція Республики, по внѣшнимъ признакамъ, казалась осуществленіемъ крайняго народовластія. Единственными полноправными гражданами считались работники металлургическихъ заводовъ, составлявшіе около 60% всего населенія. Заводы эти были государственной собственностью. Жизнь работниковъ на заводахъ была обставлена не только всевозможными удобствами, но даже роскошью. Въ ихъ распоряженіи, кромѣ прекрасныхъ помѣшеній и изысканнаго стола, предоставлены были разнообразныя образовательныя учрежденія и увеселенія: бібліотеки, музеи, театры, концерты, залы для всѣхъ видовъ спорта и т. д. Число рабочихъ часовъ въ сутки было крайне незначительно. Воспитаніе и образованіе дѣтей, медицинская и юридическая помощь, отправленіе религіозныхъ служеній разныхъ культвъ было государственной заботой. Широко обеспеченные въ удовлетвореніи всѣхъ своихъ нуждъ, потребностей и даже прихотей, работники государственныхъ заводовъ не получали никакаго денежнаго вознагражденія; но семь гражданъ, прослужившихъ на заводѣ 20 лѣтъ, а также скончавшихся или лишившихся въ годы службы работоспособности, получали богатую пожизненную пенсію съ условіемъ не покидать Республики. Изъ среды тѣхъ же работниковъ, путемъ всеобщаго голосованія, избирались представители въ Законодательную Палату Республики, вѣдавшую всѣ вопросы политической жизни страны, безъ права измѣнять ея основные законы.

Однако эта демократическая внѣшность прикрывала чисто самодержавную тиранию членовъ учредителей бывшаго треста. Предоставляя другимъ мѣста депутатовъ въ Палатѣ, они неизмѣнно проводили свои кандидатуры въ директора заводовъ. Въ рукахъ

Совѣта этихъ директоровъ сосредоточивалась экономическая жизнь страны. Они принимали всѣ заказы и распредѣляли ихъ по заводамъ; они приобрѣтали матеріалы и машины для работы; они вели все хозяйство заводовъ. Черезъ ихъ руки проходили громадныя суммы денегъ, считавшіяся милліардами. Законодательная Палата лишь утверждала представляемые ей росписи приходо- и расходо- по управленію заводами, хотя балансъ этихъ росписей далеко превышалъ весь бюджетъ Республики. Вліяніе Совѣта директоровъ въ международныхъ отношеніяхъ было громадно. Его рѣшенія могли разорить цѣлыя страны. Цѣны, устанавливаемые имъ, опредѣляли заработокъ милліоновъ трудящихся массъ на всей землѣ. Въ то же время, хотя и не прямое, вліяніе Совѣта на внутреннія дѣла Республики всегда было рѣшающимъ. Законодательная Палата, въ сущности, являлась лишь покорнымъ исполнителемъ воли Совѣта.

Сохраненіемъ власти въ своихъ рукахъ Совѣтъ былъ обязанъ прежде всего беспощадной регламентаціи всей жизни страны. При кажущейся свободѣ, жизнь гражданъ была нормирована до мельчайшихъ подробностей. Зданія всѣхъ городовъ Республики строились по одному и тому же образцу, опредѣленному закономъ. Убранство всѣхъ помѣщеній, предоставляемыхъ работникамъ, при всей его роскоши, было строго единообразнымъ. Всѣ получали одинаковую пищу въ одни и тѣ же часы. Платье, выдававшееся изъ государственныхъ складовъ, было неизмѣнно, въ теченіе десятковъ лѣтъ, одного и того же покроя. Послѣ опредѣленнаго часа, возвѣщавшагося сигналомъ съ ра- туши, воспрещалось выходить изъ дому. Вся печать страны подчинена была зоркой цензурѣ. Никакія статьи, направленные противъ диктатуры Совѣта не допускались. Впрочемъ, вся страна настолько была убѣждена въ благодѣтельности этой диктатуры, что наборщики сами отказывались набирать строки, критикующія Совѣтъ. Заводы были полны агентами Совѣта. При малѣйшемъ проявленіи недовольства Совѣтомъ, агенты спѣшили страстными рѣчами и рядомъ доказательствъ, разубѣдить усомнившихся. Обезоруживающимъ доказательствомъ служило, конечно, то, что жизнь работниковъ въ Республикѣ была

предметомъ зависти для всей земли. Утверждаютъ, что въ случаѣ неуклонной агитаціи отдѣльныхъ лицъ, Совѣтъ не брезгалъ политическимъ убійствомъ. Во всякомъ случаѣ, за все время существованія Республики, общимъ голосованіемъ гражданъ не было избрано въ Совѣтъ ни одного директора, враждебнаго членамъ-учредителямъ.

Населеніе Звѣзднаго города состояло преимущественно изъ работниковъ, отслужившихъ свой срокъ. То были, такъ сказать, государственные рантье. Средства, получаемыя ими отъ государства, давали имъ возможность жить богато. Неудивительно поэтому, что Звѣздный городъ считался однимъ изъ самыхъ веселыхъ городовъ міра. Для разныхъ антрепренеровъ и предпринимателей онъ былъ золотымъ дномъ. Знаменитости всей земли несли сюда свои таланты. Здѣсь были лучшія оперы, лучшіе концерты, лучшія художественныя выставки; здѣсь издавались самыя освѣдомленныя газеты. Магазины Звѣзднаго города поражали богатствомъ выбора; рестораны—роскошью и утонченностью сервировки; притоны соблазняли всѣми формами разврата, изобрѣтенными древнимъ и новымъ міромъ. Однако правительственная регламентація жизни сохранялась и въ Звѣздномъ городѣ. Правда, убранство квартиръ и моды платья не были стѣснены, но оставалось въ силѣ воспрещеніе выхода изъ дому послѣ опредѣленнаго часа, сохранялась строгая цензура печати содержался Совѣтомъ обширный штабъ шпионовъ. Порядокъ официально поддерживался народной стражей, но рядомъ съ ней существовала тайная полиція всевѣдущаго Совѣта.

Таковъ былъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, строй жизни въ Республикѣ Южнаго Креста и ея столицѣ. Задачей будущаго историка будетъ опредѣлить, насколько повліялъ онъ на возникновеніе и распространеніе роковой эпидеміи, приведшей къ гибели Звѣзднаго города, а, можетъ быть, и всего молодого государства

Первые случаи заболѣванія «противорѣчіемъ» были отмѣчены въ Республикѣ уже лѣтъ 20 тому назадъ. Тогда болѣзнь имѣла характеръ случайныхъ, спорадическихъ заболѣваній. Од-

нако мѣстные психіатры и невропатологи заинтересовались ею, дали ей подробное описаніе и на состоявшемся тогда междуна-родномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Лхассѣ ей было посвя-щено нѣсколько докладовъ. Позднѣе ее какъ-то забыли, хотя въ психіатрическихъ лѣчебницахъ Звѣзднаго города никогда не было недостатка въ заболѣвшихъ ею. Свое названіе болѣзнь получила отъ того, что больные ею постоянно сами противорѣчатъ своимъ желаніямъ, хотятъ одного, но говорятъ и дѣ-лаютъ другое. (Научное названіе болѣзни—*mania contradicens*). Начинается она обыкновенно съ довольно слабо выраженныхъ симптомовъ, преимущественно въ формѣ своеобразной афазіи. Заболѣвшій вмѣсто «да» говорить «нѣтъ»; желая сказать ласко-вые слова, осыпаетъ собесѣдника бранью и т. д. Большею частью одновременно съ этимъ больной начинаетъ противорѣ-чить себѣ и своими поступками; намѣреваясь итти влѣво, пово-рачиваетъ вправо, думая поднять шляпу, чтобы лучше видѣть, нахлобучиваетъ ее себѣ на глаза и т. д. Съ развитіемъ болѣзни эти «противорѣчія» наполняютъ всю тѣлесную и духовную жизнь больного, разумѣется, представляя безконечное разно-образіе, сообразно съ индивидуальными особенностями каждаго. Въ общемъ, рѣчь больного становится непонятной, его поступки нелѣпыми. Нарушается правильность и физиологическихъ от-правленій организма. Сознавая неразумность своего поведенія, больной приходитъ въ крайнее возбужденіе, доходящее часто до изступленія. Очень многіе кончаютъ жизнь самоубійствомъ, иногда въ припадкѣ безумія, иногда, напротивъ, въ минуту ду-шевнаго просвѣтленія. Другіе погибаютъ отъ кровоизліянія въ мозгъ. Почти всегда болѣзнь приводитъ къ летальному исходу; случаи выздоровленія крайне рѣдки.

Эпидемическій характеръ *mania contradicens* приняла въ Звѣздномъ городѣ со среднихъ мѣсяцевъ текущаго года. До этого времени число больныхъ «противорѣчіемъ» никогда не превышало 2%, общаго числа заболѣвшихъ. Но это отношеніе въ маѣ мѣсяцѣ (осеннемъ мѣсяцѣ въ Республикѣ) сразу возросло до 25% и все увеличивалось въ слѣдующіе мѣсяцы, при чемъ съ такой же стре-мительностью возрастало и абсолютное число заболѣваній. Въ

среднихъ числахъ іюня уже около 2% всего населенія т. е. около 50.000 человекъ оффициально признавались больными «противорѣчіемъ». Статистическихъ данныхъ позже этого времени у насъ нѣтъ. Больницы переполнились. Контингентъ врачей быстро оказался совершенно недостаточнымъ. Ктому же сами врачи, а также и больничные служащіе стали подвергаться тому же заболѣванію. Очень скоро больнымъ стало не къ кому обращаться за врачебной помощью, и точная регистрація заболѣваній стала невозможной. Впрочемъ, показанія всѣхъ очевидцевъ сходятся, что въ іюлѣ мѣсяцѣ нельзя было встрѣтить семьи, гдѣ не было бы больного. При этомъ число здоровыхъ неизмѣнно уменьшалось, такъ какъ началась массовая эмиграція изъ города, какъ изъ зачумленнаго мѣста, а число больныхъ возрастало. Можно думать, что не далеки отъ истины тѣ, кто утверждаетъ, что въ августѣ мѣсяцѣ всѣ, оставшіеся въ Звѣздномъ городѣ, были поражены психическимъ расстройствомъ.

За первыми проявленіями эпидеміи можно слѣдить по мѣстнымъ газетамъ, заносившимъ ихъ во все возрастающую у нихъ рубрику *mania contradicens*. Такъ какъ распознаваніе болѣзни въ ея первыхъ стадіяхъ очень затруднительно, то хроника первыхъ дней эпидеміи полна комическихъ эпизодовъ. Заболѣвшій кондукторъ метрополитена вмѣсто того, чтобы получать деньги съ пассажировъ, самъ платилъ имъ. Уличный стражникъ, обязанностью котораго было регулировать уличное движеніе, путалъ его въ теченіи всего дня. Посѣтитель музея, ходя по заламъ, снималъ всѣ картины и поворачивалъ ихъ къ стѣнѣ. Газета, исправленная рукой заболѣвшаго корректора, оказывалась переполненной смѣшными нелѣпостями. Въ концертѣ, больной скрипачъ вдругъ нарушалъ ужаснѣйшими диссонансами исполняемую оркестромъ пьесу—и т. д. Длинный рядъ такихъ случаевъ давалъ пищу остроумнымъ выходкамъ мѣстныхъ фельетонистовъ. Но нѣсколько случаевъ иного рода скоро остановили потокъ шутокъ. Первый состоялъ въ томъ, что врачъ, заболѣвшій «противорѣчіемъ», прописалъ одной дѣвушкѣ средство безусловно смертельное для нее, и его пациентка умерла. Дня три газеты были заняты этимъ происшествіемъ. Затѣмъ двѣ няньки,

въ городскомъ дѣтскомъ саду, въ припадкѣ «противорѣчія», перерѣзали горло сорокъ одному ребенку. Сообщение объ этомъ потрясло весь городъ. Но въ тотъ же день вечеромъ изъ дома, гдѣ помѣщались городскіе милиціонеры, двое больныхъ выкатили митральезу и осыпали картечью мирно гулявшую толпу. Убитыхъ и раненыхъ было до пятисотъ человѣкъ.

Послѣ этого всѣ газеты, все общество закричали, что надо немедленно принять мѣры противъ эпидеміи. Экстренное засѣданіе соединенныхъ Городского Совѣта и Законодательной Палаты порѣшило немедленно пригласить врачей изъ другихъ городовъ и изъ-за границы, расширить существующія больницы, открыть новыя и вездѣ устроить покои для изоляціи заболѣвшихъ «противорѣчіемъ», напечатать и распространить въ 500.000 экземпляровъ брошюру о новой болѣзни, гдѣ указывались бы ея признаки и способы лѣченія, организовать на всѣхъ улицахъ специальныя дежурства врачей и ихъ сотрудниковъ и обходы частныхъ квартиръ для оказанія первой помощи и т. д. Постановлено было также отправлять ежедневно по всѣмъ дорогамъ поѣзда исключительно для больныхъ, такъ какъ врачи признавали лучшимъ средствомъ противъ болѣзни перемѣну мѣста. Сходныя мѣропріятія были въ то же время предприняты различными частными ассоціаціями, союзами и клубами. Организовалось даже особое «Общество для борьбы съ эпидеміей», члены котораго скоро проявили себя дѣйствительно самоотверженной дѣятельностью. Но несмотря на то, что всѣ эти и сходныя мѣры проводились съ неутомимой энергіей, эпидемія не ослабѣвала, но возрастала съ каждымъ днемъ, поражая равно стариковъ и дѣтей, мужчинъ и женщинъ, людей, работающихъ и пользующихся отдыхомъ, воздержанныхъ и распутныхъ. И скоро все общество было охвачено неодолимымъ, стихійнымъ ужасомъ передъ неслыханнымъ бѣдствіемъ.

Началось бѣгство изъ Звѣзднаго города. Сначала нѣкоторыя лица, особенно изъ числа выдающихся сановниковъ, директоровъ, членовъ Законодательной Палаты и Городского Совѣта, успѣли выслать свои семейства въ южные города Австраліи и Патагоніи. За ними потянулось случайное пришлое население—

иностранцы, охотно съѣзжавшіеся въ «самый веселый городъ южнаго полушарія», артисты всѣхъ профессій, разнаго рода дѣльцы, женщины легкаго поведенія. Затѣмъ при новыхъ успѣхахъ эпидеміи, кинулись и торговцы. Они спѣшно распродавали товары и оставляли свои магазины на произволь судьбы. Съ ними вмѣстѣ бѣжали банкиры, содержатели театровъ и ресторановъ, издатели газетъ и книгъ. Наконецъ дѣло дошло и до коренныхъ, мѣстныхъ жителей. По закону, бывшимъ работникамъ былъ воспрещенъ выѣздъ изъ Республики безъ особаго разрѣшенія правительства, подъ угрозой лишенія пенсіи. Но на эту угрозу уже не обращали вниманія, спасая свою жизнь. Началось и дезертирство. Бѣжали служащіе городскихъ учреждений, бѣжали чины народной милиціи, бѣжали сидѣлки больницъ, фармацевты, врачи. Стремленіе бѣжать, въ свою очередь, стало маніей. Бѣжали всѣ, кто могъ бѣжать.

Станціи электрическихъ дорогъ осаждались громадными толпами. Билеты въ поѣздахъ покупались за громадныя суммы и получались съ бою. Въ минуту отхода поѣзда врывались въ вагоны новыя лица и не уступали завоеваннаго мѣста. Толпы останавливали поѣзда, снаряженные исключительно для больныхъ, вытаскивали ихъ изъ вагоновъ, занимали ихъ койки и силой заставляли машиниста дать ходъ. Весь подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ Республики съ конца мая работалъ только на линіяхъ, соединяющихъ столицу съ портами. Изъ Звѣзднаго города поѣзда шли переполненными; пассажиры стояли во всѣхъ проходахъ, отваживались даже стоять наружи, хотя, при скорости хода современныхъ электрическихъ дорогъ, это грозитъ смертью отъ задушенія. Пароходныя компаніи Австраліи, Южной Америки и Южной Африки несообразно нажились, перевозя эмигрантовъ Республики въ другія страны. По направленію къ Звѣздному городу, напротивъ, поѣзда шли почти пустыми; ни за какое жалованье нельзя было найти лицъ, согласныхъ ѣхать на службу въ столицу; только изрѣдка отправлялись въ зачумленный городъ эксцентричные туристы, любители сильныхъ ощущеній. Вычислено, что съ начала эмиграціи по 22 іюня, когда правильное движеніе поѣздовъ прекратилось, по всѣмъ шести

желѣзнодорожнымъ линіямъ выѣхало изъ Звѣзднаго города полтора милліона человѣкъ, т. е. почти двѣ трети всего населенія.

Своей распорядительностью, силой воли и мужествомъ заслужилъ себѣ въ это время вѣчную славу предсѣдатель Городского совѣта, Орасъ Дивилъ. Въ экстренномъ засѣданіи 5 іюня Городской совѣтъ по соглашенію съ Палатой и съ Совѣтомъ директоровъ вручилъ Дивилю диктаторскую власть надъ городомъ, съ званіемъ Начальника, передавъ ему распоряженіе городскими суммами, народной милиціей и городскими предпріятіями. Вслѣдъ за этимъ правительственныя учрежденія и архивъ были вывезены изъ Звѣзднаго города въ Сѣверный портъ. Имя Ораса Дивиля должно быть записано золотыми буквами среди самыхъ благородныхъ именъ человѣчества. Въ теченіе полутора мѣсяца онъ боролся съ возрастающей анархіей въ городѣ. Ему удалось собрать вокругъ себя группу столь же самоотверженныхъ помощниковъ. Онъ сумѣлъ долгое время удерживать дисциплину и повиновеніе въ средѣ народной милиціи и городскихъ служащихъ, охваченныхъ ужасомъ передъ общимъ бѣдствіемъ и постоянно децимируемыхъ эпидеміей. Орасу Дивилю обязаны сотни тысячъ своимъ спасеніемъ: однимъ онъ далъ возможность уѣхать; другихъ онъ защитилъ отъ насильственной смерти отъ руки сумасшедшаго или грабителя; третьимъ не далъ умереть отъ голода. Наконецъ, человѣчеству онъ сохранилъ лѣтопись всей катастрофы, такъ какъ нельзя назвать иначе краткія, но содержательныя и точныя телеграммы, которыя онъ ежедневно и по нѣскольку разъ въ день отправлялъ изъ Звѣзднаго города во временную резиденцію правительства Республики, въ Сѣверный портъ.

Первымъ дѣломъ Дивиля, при вступленіи въ должность Начальника города, была попытка успокоить встревоженные умы населенія. Были изданы манифесты, указывавшіе на то, что психическая зараза легче всего переносится на людей возбужденныхъ, и призывавшіе людей здоровыхъ и уравновѣшенныхъ вліять своимъ авторитетомъ на лицъ слабыхъ и нервныхъ. При этомъ Дивилъ вошелъ въ сношеніе съ «Обществомъ для борьбы съ эпидеміей» и распредѣлил между его членами всѣ обще-

ственные мѣста, театры, собранія, площади, улицы. Въ эти дни почти не проходило часа, чтобы въ любомъ мѣстѣ не обнаруживались заболѣванія. То тамъ, то здѣсь замѣчались лица или цѣлыя группы лицъ, своимъ поведеніемъ явно показывающія свою ненормальность. Большею частью у больныхъ, понявшихъ свое состояніе, являлось немедленное желаніе обратиться за помощью. Но, подъ вліяніемъ разстроенной психики, это желаніе выражалось у нихъ какими-нибудь враждебными дѣйствіями противъ близъ стоящихъ. Больные хотѣли бы спѣшить домой или въ лѣчебницу, но вмѣсто этого испуганно бросались бѣжать къ окраинамъ города. Имъ являлась мысль просить кого-нибудь принять въ нихъ участіе, но вмѣсто того они хватали случайныхъ прохожихъ за горло, душили ихъ, наносили имъ побои, иногда даже раны ножомъ или палкой. Поэтому толпа, какъ только замѣчался по близости человекъ, пораженный эпидеміей, обращалась въ бѣгство. Въ эти-то минуты и являлись на помощь члены «Общества». Одни изъ нихъ овладѣвали больнымъ, успокаивали его и направляли въ ближайшую лѣчебницу; другіе старались вразумить толпу и объяснить ей, что нѣтъ никакой опасности, что случилось только новое несчастье, съ которымъ всѣ должны бороться по мѣрѣ силъ.

Въ театрахъ и собраніяхъ случаи внезапнаго заболѣванія очень часто приводили къ трагическимъ развязкамъ. Въ оперѣ нѣсколько сотъ зрителей, охваченныхъ массовымъ безуміемъ, вмѣсто того, чтобы выразить свой восторгъ нѣвцамъ, ринулись на сцену и осыпали ихъ побоями. Въ Большомъ Драматическомъ театрѣ внезапно заболѣвшій артистъ, который по роли долженъ былъ окончить самоубійствомъ, произвелъ нѣсколько выстрѣловъ въ зрительный залъ. Револьверъ, конечно, не былъ заряженъ, но подъ вліяніемъ нервнаго напряженія у многихъ лицъ въ публикѣ обнаружилась уже таившаяся въ нихъ болѣзнь. При происшедшемъ смятеніи, въ которомъ естественная паника была усилена «противорѣчивыми» поступками безумцевъ, было убито нѣсколько десятковъ человекъ. Но всего ужаснѣе было происшествіе въ Театрѣ Фейерверковъ. Нарядъ городской милиціи, назначенный туда для наблюденія за безопасностью отъ

огня, въ припадкѣ болѣзни, поджегъ сцену и тѣ вуали, за которыми распредѣляются свѣтовые эффекты. Отъ огня и въ давкѣ погибло не менѣе 200 человекъ. Послѣ этого событія Орасъ Дивиль распорядился прекратить всѣ театральныя и музыкальныя исполненія въ городѣ.

Громадную опасность для жителей представляли грабители и воры, которые при общей дезорганизации находили широкое поле для своей дѣятельности. Увѣряютъ, что иные изъ нихъ прибывали въ это время въ Звѣздный городъ даже изъ-за границы. Нѣкоторые симулировали безуміе, чтобы остаться безнаказанными. Другіе не считали нужнымъ даже прикрывать открытаго грабежа притворствомъ. Шайки разбойниковъ смѣло входили въ покинутыя магазины и уносили болѣе цѣнныя вещи, врывались въ частныя квартиры и требовали золота, останавливали прохожихъ и отнимали у нихъ драгоценности, часы, перстни, браслеты. Къ грабежамъ присоединились насилія всякаго рода и прежде всего насилія надъ женщинами. Начальникъ города высылалъ цѣлыя отряды милиціи, противъ преступниковъ, но тѣ отваживались вступать въ открытыя сраженія. Были страшные случаи, когда среди грабителей или среди милиціонеровъ внезапно оказывались заболѣвшіе «противорѣчіемъ», обращавшіе оружіе противъ своихъ товарищей. Арестованныхъ грабителей Начальникъ сначала высылалъ изъ города. Но граждане освобождали ихъ изъ тюремныхъ вагоновъ, чтобы занять ихъ мѣсто. Тогда Начальникъ принужденъ былъ приговаривать уличенныхъ разбойниковъ и насильниковъ къ смерти. Такъ, послѣ почти трехъ-вѣкового перерыва, была возобновлена на землѣ открытая смертная казнь.

Въ іюнѣ въ городѣ обнаружилась нужда въ предметахъ первой необходимости. Не доставало жизненныхъ припасовъ, не доставало медикаментовъ. Подвозъ по желѣзной дорогѣ все уменьшался; въ городѣ же почти прекратились всякія производства. Дивиль организовалъ городскія хлѣбопекарни и раздачу хлѣба и мяса всѣмъ жителямъ. Въ городѣ были устроены общественныя столовыя по образцу существовавшихъ на заводахъ. Но невозможно было найти достаточнаго числа

работающихъ для нихъ. Добровольцы служашіе трудились до изнеможенія, но число ихъ уменьшалось. Городскія крематоріи пылали круглыя сутки, но число мертвыхъ тѣлъ въ покойническихъ не убывало, а возрастало. Начали находить трупы на улицахъ и въ частныхъ домахъ. Городскія центральныя предприятия, по телеграфу, телефону, освѣщенію, водопроводу, канализации, обслуживались все меньшимъ и меньшимъ числомъ лицъ. Удивительно, какъ Дивиль успѣвалъ всюду. Онъ за всѣмъ слѣдилъ, всѣмъ руководилъ. По его сообщеніямъ можно подумать, что онъ не знаетъ отдыха. И всѣ спасшіеся послѣ катастрофы свидѣтельствуютъ единогласно, что его дѣятельность была выше всякой похвалы.

Въ серединѣ іюня сталъ чувствоваться недостатокъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Не было машинистовъ и кондукторовъ, чтобы обслуживать поѣзда. 17 іюня произошло первое крушеніе на Юго-Западной линіи, причиной котораго было заболѣваніе машиниста «противорѣчіемъ». Въ припадкѣ болѣзни машинистъ бросилъ весь поѣздъ съ пяти саженной высоты на ледяное поле. Почти всѣ ѣхавшіе были убиты или искалѣчены. Извѣстіе объ этомъ, доставленнае въ городъ со слѣдующимъ поѣздомъ, было подобно удару грома. Тотчасъ былъ отправленъ санитарный поѣздъ. Онъ привезъ трупы и изувѣченныя полуживыя тѣла. Но къ вечеру того же дня распространилась вѣсть, что аналогичная катастрофа произошла и на Первой линіи. Два желѣзнодорожныхъ пути, соединяющихъ Звѣздный городъ съ міромъ оказались испорченными. Были посланы и изъ города и отъ правительства отряды для исправленія путей, но работа въ тѣхъ странахъ почти невозможна въ зимніе мѣсяцы. Эти двѣ катастрофы были лишь образцами для слѣдующихъ. Чѣмъ съ большей тревогой брались машинисты за свое дѣло, тѣмъ вѣрнѣе, въ болѣзненномъ припадкѣ, они повторяли проступокъ своихъ предшественниковъ. Именно потому, что они боялись, какъ бы не погубить поѣзда, они губили его. За пять дней отъ 18 по 22 іюня семь поѣздовъ, переполненныхъ людьми, было сброшено въ пропасть. Тысячи людей нашли себѣ смерть отъ ушибовъ и голода въ снѣжныхъ равнинахъ. Только у очень

немногихъ достало силъ вернуться въ городъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ всѣ шесть магистралей, связывающихъ Звѣздный городъ съ міромъ оказались испорченными. Населеніе города, доходившее въ то время до 600.000 человѣкъ, оказалось отрѣзаннымъ отъ всего человѣчества. Нѣкоторое время ихъ связывала только телеграфная нить.

24 іюня прекратилось движеніе по городскому метрополитѣну въ виду недостатка служащихъ. 26 іюня была прекращена служба на городскомъ телефонѣ. 27 іюня были закрыты всѣ аптеки кромѣ одной центральной. 1 іюля Начальникъ издалъ приказъ всѣмъ жителямъ переселиться въ Центральную часть города, совершенно покинувъ периферію, чтобы облегчить поддержаніе порядка, распределеніе припасовъ и врачебную помощь. Люди покидали свои квартиры и поселялись въ чужихъ, оставленныхъ владѣльцами. Чувство собственности исчезало. Никому не жаль было бросить свое, никому не странно было пользоваться чужимъ. Впрочемъ, находились еще мародеры и разбойники, которыхъ скорѣе можно было признать психопатами. Они еще продолжали грабить, и въ настоящее время въ пустынныхъ залахъ покинутыхъ домовъ открываютъ цѣлые клады золота и драгоценностей, около которыхъ лежить полусгнившій трупъ того, кто, награбивъ, сложилъ ихъ тамъ.

Замѣчательно, однако, что при всеобщей гибели, жизнь еще сохраняла свои прежнія формы. Еще находились торговцы, которые открывали магазины, продавая — почему-то по неимовѣрнымъ цѣнамъ — удѣлѣвшіе товары: лакомства, цвѣты, книги, оружіе... Покупатели не жалѣя бросали ненужное золото, а скряги-купцы прятали его, неизвѣстно зачѣмъ. Еще существовали тайные притоны — картъ, вина и разврата, — куда убѣгали несчастные люди, чтобы забыть ужасную дѣйствительность. Больные смѣшивались тамъ со здоровыми, и никто не велъ хроники страшныхъ сценъ, происходившихъ тамъ. Еще выходили двѣ-три газеты, редактора которыхъ пытались сохранить значеніе литературнаго слова въ общемъ разгромѣ. №№ этихъ газетъ, уже въ настоящее время перепродающіеся въ десять и двадцать разъ дороже настоящей своей стоимости, должны

стать величайшими библиографическими рѣдкостями. Въ этихъ столбцахъ текста, написанныхъ среди господствующаго безумія и набранныхъ полусумасшедшими наборщиками, — живое и страшное отраженіе всего, что переживалъ несчастный городъ. Находились репортеры, которые сообщали «городскія происшествія», писатели, которые горячо обсуждали положеніе дѣлъ, и даже фельетонисты, которые пытались забавлять въ дни трагизма. А телеграммы, приходившія изъ другихъ странъ, говорившія объ истинной, здоровой жизни, должны были наполнять отчаяньемъ души читателей, обреченныхъ на гибель.

Организовались отчаянныя попытки спастись. Въ началѣ іюля громадная толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, руководимая нѣкимъ Джономъ Дью, рѣшилась итти пѣшкомъ изъ города въ ближайшій городъ, Лѣндонтоунъ. Дивиль понималъ безуміе ихъ попытки, но не могъ остановить ихъ и самъ снабдилъ ихъ теплой одеждой и съѣстными припасами. Вся эта толпа, около 2000 человекъ, заблудилась и погибла въ снѣжныхъ поляхъ полярной страны, среди черной, шесть мѣсяцевъ не разсвѣтающей ночи. Нѣкто Уайтингъ началъ проповѣдывать иное, болѣе героическое средство. Онъ предлагалъ умертвить всѣхъ больныхъ, полагая, что послѣ этого эпидемія прекратится. У него нашлось не мало послѣдователей, да, впрочемъ, въ тѣ ужасные дни самое безумное, самое безчеловѣчное предложеніе, сулящее избавленіе, нашло бы сторонниковъ. Уайтингъ и его друзья рыскали по всему городу, врываются во всѣ дома и истребляли больныхъ. Въ больницахъ они совершали массовыя избіенія. Въ изступленіи убивали и тѣхъ, кого только можно было заподозрить, что онъ не совсѣмъ здоровъ. Къ идейнымъ убійцамъ присоединились безумные и грабители. Весь городъ сталъ ареной битвы. Въ эти трудные дни Орасъ Дивиль собралъ своихъ сотрудниковъ въ дружину, одушевилъ ихъ и лично повелъ на борьбу съ сторонниками Уайтинга. Нѣсколько сутокъ продолжалось преслѣдованіе. Сотни человекъ пали съ той и съ другой стороны. Наконецъ былъ захваченъ самъ Уайтингъ. Онъ оказался въ послѣдней стадіи *mania contradicens*, и его пришлось вести не на казнь, а въ больницу, гдѣ онъ вскорѣ и скончался.

8 іюля городу былъ нанесенъ одинъ изъ самыхъ страшныхъ ударовъ. Лица, наблюдавшія за дѣятельностью центральной электрической станціи, въ припадкѣ болѣзни, поломали всѣ машины. Электрическій свѣтъ прекратился, и весь городъ, всѣ улицы, всѣ частныя жилища погрузились въ абсолютный мракъ. Такъ какъ въ городѣ не пользовались никакимъ другимъ освѣщеніемъ и никакимъ другимъ отопленіемъ, кромѣ электричества, то всѣ жители оказались въ совершенно безпомощномъ положеніи. Дивиль предвидѣлъ эту возможность. Имъ были заготовлены склады смоляныхъ факеловъ и топлива. Вездѣ на улицахъ были зажжены костры. Жителямъ факелы раздавались бесплатно. Но эти скудные свѣточы не могли озарить гигантскихъ перспективъ Звѣзднаго города, тянувшихся на десятки километровъ прямыми линіями, и страшной высоты тридцатиэтажныхъ зданій. Съ наступленіемъ мрака пала послѣдняя дисциплина въ городѣ. Ужасъ и безуміе окончательно овладѣли душами. Здоровые перестали отличаться отъ больныхъ. Началась страшная оргія отчаявшихся людей.

Съ поразительной быстротой обнаружилось во всѣхъ паденіе нравственнаго чувства. Культурность спала съ этихъ людей, словно тонкая кора, наростая за три тысячелѣтія, и въ нихъ обнажился дикій человѣкъ, человѣкъ-звѣрь, какимъ онъ бывало рыскалъ по дѣвственной землѣ. Утратилось всякое понятіе о правѣ, — признавалась только сила. Для женщинъ единственнымъ закономъ стала жажда наслажденій. Самыя скромныя матери семейства вели себя какъ проститутки, по доброй волѣ переходя изъ рукъ въ руки и говоря непристойнымъ языкомъ домовъ терпимости. Дѣвушки бѣгали по улицамъ, вызывая, кто желаетъ воспользоваться ихъ невинностью, уводили своего избранника въ ближайшую дверь и отдавались ему на неизвѣстную чью постели. Пьяницы устраивали пиры въ разоренномъ погребѣ, не стѣсняясь тѣмъ, что среди нихъ валялись неубранные трупы. Все это постоянно осложнялось припадками господствующей болѣзни. Ужасно было положеніе дѣтей, брошенныхъ родителями на произволъ судьбы. Однихъ насиловали гнусные развратники, другихъ подвергали пыткамъ поклонники садизма,

которыхъ внезапно нашлось значительное число. Дѣти умирали отъ голода въ своихъ дѣтскихъ, отъ стыда и страданій послѣ насилій; ихъ убивали нарочно и нечаянно. Утверждаютъ, что нашлись изверги, ловившіе дѣтей, чтобы насытить ихъ мясомъ свои проснувшіеся людоедскіе инстинкты.

Въ этотъ послѣдній періодъ трагедіи Орасъ Дивиль не могъ, конечно, помочь всему населенію. Но онъ устроилъ въ зданіи Ратуши пріютъ для всѣхъ сохранившихъ разумъ. Входы въ зданіе были забаррикадированы и постоянно охранялись стражей. Внутри были заготовлены запасы пищи и воды для 3000 человѣкъ на сорокъ дней. Но съ Дивилемъ было всего 1800 человѣкъ мужчинъ и женщинъ. Разумѣется, въ городѣ были и еще лица, сохранившіе сознаніе, но они не знали о пріютѣ Дивиля и таились по домамъ. Иные, въ ужасѣ, не рѣшались выходить на улицу, и теперь въ нѣкоторыхъ комнатахъ находятъ трупы людей, умершихъ отъ голода. Замѣчательно, что среди лицъ, запершихся въ Ратушѣ, было очень мало случаевъ заболѣванія «противорѣчіемъ». Дивиль умѣлъ поддерживать дисциплину въ своей небольшой общинѣ. До послѣдняго дня онъ велъ журналъ всего происходящаго, и этотъ журналъ, вмѣстѣ съ телеграммами Дивиля, служитъ лучшимъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о катастрофѣ. Журналъ этотъ найденъ въ тайномъ шкафу Ратуши, гдѣ хранились особо цѣнные документы. Послѣдняя запись относится къ 20 іюля. Дивиль сообщаетъ въ ней, что обезумѣвшая толпа начала штурмъ Ратуши, и что онъ принужденъ отбивать нападеніе залпами изъ револьверовъ. «На что я надѣюсь, — пишетъ Дивиль, — не знаю. Помощи раньше весны ждать невозможно. До весны прожить съ тѣми запасами, какіе въ моемъ распоряженіи, невозможно. Но я до конца исполню мой долгъ». Это послѣднія слова Дивиля. Благородныя слова!

Надо полагать, что 21 іюля толпа взяла Ратушу приступомъ, и что защитники ея были перебиты или разсѣялись. Тѣла Дивиля пока не разыскано. Сколько-нибудь достовѣрныхъ сообщеній о томъ, что происходило въ городѣ послѣ 21 іюля, у насъ нѣтъ. По тѣмъ слѣдамъ, какія находятъ теперь при расчисткѣ города, надо полагать, что анархія достигла послѣднихъ

предѣловъ. Можно представить себѣ полутемныя улицы, озаренныя заревомъ костровъ, сложенныхъ изъ мебели и изъ книгъ. Огонь добывали ударами кремня о желѣзо. Около костровъ дико веселились толпы сумасшедшихъ и пьяныхъ. Общая чаша ходила кругомъ. Пили мужчины и женщины. Тутъ же совершались сцены скотскаго сладострастія. Какія-то темныя, атакитическія преданія оживали въ душахъ этихъ городскихъ обитателей и, полунагіе, невытые, нечесанные, они плясали хороводами пляски своихъ отдаленныхъ пращуровъ, современниковъ пещерныхъ медвѣдей, и пѣли тѣ же дикія пѣсни, какъ орды, нападавшія съ каменными топорами на мамонта. Съ пѣснями, съ безсвязными рѣчами, съ идиотскимъ хохотомъ сливалась выклики безумія больныхъ, которые теряли способность выражать въ словахъ даже свои бредовыя грезы, и стоны умирающихъ, корчившихся тутъ же, среди разлагающихся труповъ. Иногда пляски смѣнялись битвами — за бочку вина, за красивую женщину или просто безъ повода, въ припадкѣ сумасшествія, толкавшаго на бессмысленныя, противорѣчивыя поступки. Бѣжать было некуда: вездѣ были тѣ же сцены ужаса, вездѣ были оргіи, битвы, звѣрское веселіе и звѣрская злоба—или абсолютная тьма, которая казалась еще болѣе страшной, еще болѣе нестерпимой потрясенному воображенію.

Въ эти дни Звѣздный городъ былъ громаднымъ чернымъ ящикомъ, гдѣ нѣсколько тысячъ еще живыхъ, челоѣкоподобныхъ существъ были закинута въ смрадь сотенъ (тысячъ гнющихъ труповъ, гдѣ среди живыхъ уже не было ни одного, кто сознавалъ свое положеніе. Это былъ городъ безумныхъ, гигантскій домъ сумасшедшихъ, величайшій и отвратительнѣйшій Бедламъ, какой только когда-либо видѣла земля. И эти сумасшедшіе истребляли другъ друга, убивая кинжалами, перегрызая горло, умирали отъ безумія, умирали отъ ужаса, умирали отъ голода и отъ всѣхъ болѣзней, которыя царствовали въ зараженномъ воздухѣ.

Самой собою разумѣется, что правительство Республики не оставалось равнодушнымъ зрителемъ страшнаго бѣдствія, постигшаго столицу. Но очень скоро пришлось отказаться отъ всякой надежды оказать помощь. Врачи, сестры милосердія, военныя части, служащіе всякаго рода рѣшительно отказывались ѣхать въ Звѣздный городъ. Послѣ прекращенія рейсовъ электрическихъ дорогъ прямая связь съ городомъ утратилась, такъ какъ суровость мѣстнаго климата не позволяетъ иныхъ путей сообщенія. Ктому же все вниманіе правительства скоро обратилось на случай заболѣванія «противорѣчіемъ», которыя стали обнаруживаться въ другихъ городахъ Республики. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣзнь тоже грозила принять эпидемическій характеръ и начиналась общественная паника, напоминая событія въ Звѣздномъ городѣ. Это повело къ эмиграціи жителей изъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ Республики. Работы на всѣхъ заводахъ были остановлены, и вся промышленная жизнь страны замерла. Однако, благодаря рѣшительнымъ мѣрамъ, принятымъ во-время, въ другихъ городахъ эпидемію удалось остановить, и нигдѣ она не достигла до тѣхъ размѣровъ, какъ въ столицѣ.

Извѣстно, съ какимъ тревожнымъ вниманіемъ весь міръ слѣдилъ за несчастіями молодой Республики. Въ началѣ, когда никто не ожидалъ, до какихъ страшныхъ размѣровъ разрастется бѣдствіе, господствующимъ чувствомъ было любопытство. Выдающіяся газеты всѣхъ странъ (въ томъ числѣ и нашъ «Сѣверо-Европейскій-Вечерній-Вѣстникъ») отправили спеціальныхъ корреспондентовъ въ Звѣздный городъ — сообщать о ходѣ эпидеміи. Многіе изъ этихъ храбрыхъ рыцарей пера сдѣлались жертвой своего профессиональнаго долга. Когда же стали приходиться вѣсти угрожающаго характера, правительства различныхъ государствъ и частныя общества предложили свои услуги правительству Республики. Одни предлагали свои войска, другіе формировали кадры врачей, третьи несли денежныя пожертвованія, но событія шли съ такой стремительностью, что большая часть этихъ начинаній не могла быть исполнена. Послѣ прекращенія желѣзнодорожнаго сообщенія со Звѣзднымъ городомъ, единственными свѣдѣніями о жизни въ немъ были телеграммы Началь-

ника. Эти телеграммы немедленно разсылались во всѣ концы земли и расходились въ милліонахъ экземпляровъ. Они вызывали чувство ужаса во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Послѣ поломки электрическихъ машинъ, телеграфъ дѣйствовалъ еще нѣсколько дней, такъ какъ на станціи были заряженные аккумуляторы. Точная причина, почему телеграфное сообщеніе совершенно прекратилось, неизвѣстна: можетъ быть были испорчены аппараты. Послѣдняя телеграмма Ораса Дивилія помѣчена 27 іюня. Съ этого дня въ теченіи почти полутора мѣсяца все человѣчество оставалось безъ вѣстей изъ столицы Республики.

Въ послѣднихъ числахъ августа до Звѣзднаго города достигъ на своей летательной машинѣ аэронавтъ Томасъ Билли. Онъ подобралъ на крышѣ города двухъ человѣкъ, давно лишенныхъ разсудка и полумертвыхъ отъ стужи и голода. Черезъ вентиляторы Билли видѣлъ, что улицы погружены въ абсолютный мракъ, и слышалъ дикіе крики, показывавшіе, что въ городѣ есть еще живыя существа. Въ самый городъ Билли не рѣшился спуститься. Къ началу сентября удалось возстановить одну линію электрической желѣзной дороги до станціи Лиссисъ, въ ста пяти километрахъ отъ города. Отрядъ хорошо вооруженныхъ людей, снабженныхъ припасами и средствами для оказанія первой помощи, вошелъ въ городъ черезъ Сѣверо-Западные ворота. Этотъ отрядъ, однако, не могъ проникнуть дальше первыхъ кварталовъ, вслѣдствіи страшнаго смрада, стоявшаго въ воздухѣ. Пришлось занимать улицу за улицей, очищая отъ труповъ и оздоравливая воздухъ искусственными средствами. Люди, встрѣчавшіеся при этомъ, были всѣ невмѣняемы. Они походили на дикихъ животныхъ по своей свирѣпости, и ихъ приходилось захватывать силой. Наконецъ, къ серединѣ сентября удалось организовать правильное сообщеніе со Звѣзднымъ городомъ и начать систематическое возстановленіе его.

Въ настоящее время большая часть города уже очищена отъ труповъ. Электрическое освѣщеніе и отопленіе возстановлено. Остаются не занятыми лишь американскіе кварталы, но полагаютъ, что тамъ нѣтъ живыхъ существъ. Всего спасено до

10.000 человекъ, но большая часть ихъ является людьми неизлѣчимо разстроенными психически. Тѣ, которые болѣе или менѣе оправляются, очень неохотно говорятъ о пережитомъ ими въ страшные дни. Ктому же рассказы ихъ полны противорѣчій и очень часто не подтверждаются документальными данными. Въ различныхъ мѣстахъ найдены ЛѢЛѢ газетъ, выходившихъ въ городѣ до конца іюля. Послѣдній изъ открытыхъ до сихъ, поръ помѣченный 22 іюля, содержитъ въ себѣ сообщеніе о смерти Ораса Дивиля и призывъ возстановить убѣжище въ Ратушѣ. Правда найденъ еще листокъ, помѣченный августомъ, но содержаніе его таково, что приходится признать его автора (который, вѣроятно, лично и набиралъ свой бредъ) рѣшительно невѣроятнымъ. Въ Ратушѣ найденъ дневникъ Ораса Дивиля, дающій послѣдовательную лѣтопись событій за три недѣли, отъ 28 іюня по 20 іюля. По страшнымъ находкамъ на улицахъ и внутри домовъ можно составить себѣ яркое представленіе объ ужасахъ, совершавшихся въ городѣ за послѣдніе дни. Всюду страшно изуродованные трупы: люди умершие голодной смертью, люди задушенные и замученные, люди убитые безумцами въ припадкѣ изступленія, и, наконецъ, — полуобглоданныя тѣла. Трупы находятъ въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ: въ тоннеляхъ метрополитэна, въ канализационныхъ трубахъ, въ разныхъ чуланахъ, въ котлахъ: вездѣ потерявшіе разсудокъ жители искали спасенія отъ окружающаго ужаса. Внутренности почти всѣхъ домовъ разгромлены, и добро, оказавшееся ненужнымъ грабителямъ, запрятано въ потайныя комнаты и подземныя помѣщенія.

Несомнѣнно пройдетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ Звѣздный городъ станетъ вновь обитаемымъ. Въ настоящее время онъ почти пустъ. Въ городѣ, можемъ вмѣстить до 3.000.000 жителей, живетъ около 30.000 рабочихъ, занятыхъ расчисткой улицъ и домовъ. Впрочемъ, прибыли и нѣкоторые изъ прежнихъ жителей, чтобы разыскивать тѣла близкихъ и освѣдомиться, что уцѣлѣло изъ ихъ расхищеннаго имущества. Приѣхало и нѣсколько туристовъ, привлеченныхъ исключительно зрѣлищемъ опустошеннаго города. Два предпринимателя

уже открыли двѣ гостинницы, торгующихъ довольно бойко. Въ скоромъ времени открывается и небольшой кафе-шантанъ, группа для котораго уже собрана.

«Сѣверо-Европейскій-Вечерній-Вѣстникъ», въ свою очередь, отправилъ въ городъ новаго корреспондента, г. Андрю Эвальда, и намѣренъ въ подробныхъ сообщеніяхъ знакомить своихъ читателей со всѣми новыми открытіями, которыя будутъ сдѣланы въ несчастной столицѣ Республики Южнаго Креста.

Валерій Брюсовъ.

1904—1905.

ИБСЕНЪ И ДОСТОЕВСКІЙ.

I.

Имя Достоевскаго останется на скрижаляхъ російской словесности. Достоевскій — большой художникъ. Великъ ли онъ, покажетъ будущее. Мы еще слишкомъ близко стоимъ къ нему. Мы не можемъ ему указать мѣсто въ російской словесности. Вчера его закидали бранью. Сегодня имя его окружено согласнымъ хоромъ хваленій. Нельзя не сознаться, что въ этомъ хорѣ слишкомъ сильны детонирующие голоса. Эти голоса обязываютъ насъ, какъ истинныхъ почитателей Э. М., относиться сдержаннѣй ко всѣмъ панегирикамъ, раздающимся въ честь русскаго писателя. Намъ хочется предостерегающе замѣтить, что на ряду съ талантливыми послѣдователями мы встрѣчаемъ и жалкихъ вырожденковъ, и эти послѣдніе съ особеннымъ жаромъ называютъ Достоевскаго своимъ. Что то есть общее у него съ вырожденіемъ русской литературы. Какъ бы культъ Достоевскаго не привелъ насъ въ пустоту!

У Достоевскаго не было крыльевъ орлиныхъ, а быть можетъ — нетопыриныя. Достоевскій подобно оводу жалилъ насъ въ дни безгрозныхъ томленій мертвой полосы русской жизни. И еще неизвѣстно, были ли цѣлебны язвы, имъ нанесенныя. Во всякомъ случаѣ онъ не болѣе нуженъ, чѣмъ Ибсенъ и Ницше, очистительной бурей пронесшіеся на Западъ. Эта буря и насъ задѣла. Послѣ Ницше праздно противопоставлять его пути путь Достоевскаго. Мѣщанство, трусливость и нечистота, выразившаяся въ тяжести слога, — вотъ отличительныя черты Достоевскаго по сравненію съ Ницше. Достоевскій слишкомъ „психологъ“, чтобы не возбуждать брезгливости. Отсюда заключаютъ о глубинѣ Достоевскаго: онъ-де бралъ душу изморомъ. Глубина, построенная на психологіи, часто фальшива. Это — ловушка марева, основанная иной разъ на размазываніи мерзостей; разсѣется марево, откроется унылая плоскость духа тамъ, гдѣ зіяла глубина.

Неимоверная сложность Достоевскаго, несказанная глубина его образовъ — наполовину поддѣльная бездна, нарисованная иной

разъ прямо на плоскости. Туманъ неясности создавался на почвѣ путаницы методовъ отношенія къ дѣйствительности. Этотъ туманъ значительно углублялъ природную глубину таланта Ф. М. Для того чтобы соединить ницшеанскій бунтъ во имя долга съ карамазовскимъ бытіемъ — соединить въ формахъ православія и оффиціальной народности, — чтобы рѣшиться на такое безвкусіе, воистину надо быть великимъ путанникомъ. То, что напуталъ онъ, окончательно запутали его талантливые послѣдователи (Мережковскій-Розановъ). Надъ нѣкоторыми ихъ положеніями самъ чортъ голову сломить, а не придетъ ни къ какому результату. И вотъ намъ говорятъ, что наступилъ конецъ русской литературы, вмѣсто того, чтобы сказать откровенно: Достоевскій привелъ въ болото, надо искать иныхъ путей.

Былъ силенъ Достоевскій. Онъ вынесъ до конца бремя собственного безвкусія. Иные изъ его послѣдователей наложили запретъ на русскую литературу, другіе изнемогли, обезсиѣли въ прагматичнѣхъ корчахъ. До сихъ поръ поклонники Достоевскаго вслѣдствіе непониманія основныхъ чертъ его творчества должны были молча нести бремя его безвкусія, дѣлать видъ, что нѣтъ ничего обременительнаго. Это у молчаніе продолжалось и тогда, когда имя Достоевскаго заблестало яркимъ солнцемъ. Тогда получилась картина съ царскимъ платьемъ, котораго никто не видѣлъ, но долженъ былъ хвалить, чтобы не уподобиться дураку.

Конецъ русской литературы, провозглашенный Д. С. Мережковскимъ — естественное слѣдствіе нежеланія видѣть Достоевскаго въ истинномъ свѣтѣ. Пора сказать, что имъ не исчерпываются судьбы російской словесности.

Достоевскій былъ политиканствующимъ мистикомъ. Ужасное соединеніе! Религія совмѣстима съ общественностью въ свободномъ актѣ синтеза. Тогда религія совпадаетъ съ общественностью. Такого совпаденія не могло быть въ душѣ у Достоевскаго, глубоко не музыкальной. Вотъ почему отрицаніе общественности вылилось у него въ самый принципъ общественности. Хулиганство и черносотенность окружили имя его ореоломъ мрачнымъ и жесткимъ („жестокій талантъ“!). Вотъ почему религиозная тайна души его осквернена политиканствомъ.

У Достоевскаго не было слуха. Вѣчно онъ детонировалъ въ самомъ главномъ. Въ самомъ главномъ у него одни надрывы. Все положительное — въ обѣщаніи. Будь онъ въ царствѣ дѣтей, онъ развратилъ бы ихъ (см. „Сонъ смѣшного челоуѣка“). Напрасно подходить къ нему съ формулами самой сложной гармоніи, чтобы прилично объяснить его крикливый, болѣзненный голосъ. Нѣтъ мужества признать, что онъ всю жизнь бралъ фальшивыя ноты. Искус-

ство есть гармонія, и въ особенности музыка, которая есть совершеннѣйшее искусство, благородное.

Преодолѣніе безвкусицы Достоевскаго возможно двумя путями. Деяны этихъ путей: 1) впередъ къ Ницше, 2) назадъ къ Гоголю.

Къ Гоголю и Пушкину — этимъ первоистокамъ русской литературы — должны мы вернуться, чтобы спасти словесность отъ сѣмянъ растлѣнія и смерти, заложенныхъ въ нее инквизиторской рукой Достоевскаго. Или же на насъ лежитъ обязанность очистить музыкой вольной и плавной Авгіевы конюшни психологіи, оставленной намъ въ наслѣдство покойнымъ писателемъ.

Пушкинъ и Гоголь ходили походкой задумчивой и въ зеленыхъ, тихихъ кущахъ, и на каменныхъ стогнахъ Петрограда.

Достоевскій сѣменилъ дробной походкой петербургскаго обывателя. И російская словесность засѣменила вслѣдъ за нимъ.

Таково обаяніе этого таланта. Таковъ непоправимый ущербъ, нанесенный имъ отечественному искусству.

II.

Въ душѣ своей носилъ Достоевскій образъ свѣтлой жизни, но пути, ведущіе въ блаженные мѣста, были невѣдомы ему. Взоры его были устремлены туда, гдѣ ясные лики дѣтей-ангеловъ являли новый градъ русскій. А вокругъ него было хмуро и скучно: въ туманѣ мералой осени усмѣхались огоньки кабачковъ, да шныряли подозрительные мѣщане — не то жулики, не то сыщики. На свѣтлый образъ будущей жизни легла черная тѣнь жизни развратной, и отъ этого ангельскіе лики дѣтей усмѣхались улыбкою сфинкса (см. „Сонъ Свидригайлова“).

Равнинную ясность будущаго произвольно смѣшивалъ Достоевскій съ предстоящей сиротливой равниной русской. Герои его хотѣли купаться въ голубомъ горнемъ воздухѣ, но купались... развѣ только въ голубоватомъ снѣгу, когда удалая тройка опрокидывала въ сугробъ кутящихъ удалцовъ (Рогожина или Митеньку) — широкихъ натуръ — ухъ, какихъ широкихъ!

Горная ясность требуетъ восхожденія, а высоты, величія, горнаго подъема не было у Достоевскаго. Подобенъ онъ человѣку веселому, увеселенному градомъ счастья, который желаетъ изобразить блаженство тѣхъ мѣстъ, но жесты котораго не повинуются законамъ граціи — потому что тѣло не приобрѣло гибкости, необходимой для горныхъ подъемовъ. Видя такую расшатанность счастливаго человѣка, мы опасаемся, какъ бы слова, поражающія нашъ

слухъ веселіемъ вѣчнымъ, не были внушены веселіемъ запойнымъ. Небесное веселіе требуетъ утонченности; оно чуждается нервнаго дрыганья жестовъ, издерганныхъ порывовъ: неустойчивая тонкость горше грубости. Устойчивость создается благородствомъ. Благородство обитаетъ въ горахъ: къ нему нужно сумѣть взобраться. Оно выводитъ людей, опьяненныхъ веселіемъ вѣчнымъ, изъ кабачковъ и притоновъ, оно заставляетъ ихъ стыдливо прятать пьянство души подъ маской суроваго долга. Оно влечетъ въ горы сражаться съ туманомъ и пропастями. И только тамъ, гдѣ вѣчное небо, только тамъ гармонична вольная пляска, веселіе вѣчное, оттуда нисходятъ къ намъ люди съ очищенной лаской. Ледниковоe золото зорь сжигаетъ мерзость ласки, и жизнь наша, вознесенная долгомъ, ласково улыбается. Чтобы земля стала небомъ, нужно найти небо; а для этого стоитъ забыть о землѣ. Только то мы умѣемъ цѣнить, къ чему возвращаемся изъ долгой разлуки. Воистину не любятъ, не знаютъ, не цѣнятъ землю призывающіе насъ къ землѣ, если они не уходили отъ нея. Намъ говорятъ, что тамъ, подъ землей то же небо, и что, идя обратнымъ путемъ, я приду къ новому небу. Все это такъ, если бы не нутряной огонь, опаляющій въ центрѣ земли все живое. Нельзя спорить противъ того, что вообще существуютъ пути, противоположные небеснымъ, — вопросъ: для людей ли предназначены эти пути.

Какъ будто на практикѣ забывалъ все это Достоевскій, хотя въ теоріи не могъ онъ не знать. Не въ теоріи дѣло. Кой-что и поглубже знавалъ Достоевскій въ теоріи. Не было у него тѣлесныхъ знаковъ своего духовнаго видѣнія. Слишкомъ отвлеченно принималъ Достоевскій свои прозрѣнія, и потому тѣлесная дѣйствительность не была приведена въ соприкосновеніе у него съ духомъ. Отсюда не откуда было ждать его героямъ тѣлеснаго преображенія. Видѣнія ихъ вспыхивали въ корчахъ и судорогахъ душевныхъ болѣзней. Бытіе влекло ихъ въ хаосъ безумія, а долгъ не могъ умалить жгучести ихъ страданій, ибо долга и не было у нихъ. Долгъ — свое первое родство — продалъ Достоевскій западу за чечевичную похлебку психологіи.

Въ самомъ дѣлѣ: нужна рѣшимость, чтобы, вооружившись долгомъ, медленнымъ восхожденіемъ подойти вплотную къ восхищающему видѣнію. Легче пьяной ватагой повалить изъ кабачка на спасеніе человѣчества. А герои Достоевскаго часто такъ именно и поступали, вмѣсто дома Божія попадая въ домъ... публичный.

Есть сходство унылой шири безпредметныхъ степей съ ширью небесной высоты, раскинутой надъ нами. Между этими раздольями лежитъ горная страна долга и восхожденій, часто невидимая для взора современнаго обывателя, и ужъ конечно не видная обитате-

лямъ грядущаго яснаго града. Пусть же равнина изморщится горбами и туманы лягутъ между морщинами смущать насъ трудностью пути и всякими страхами. Только тогда, когда мы встанемъ на вершинахъ, узнаемъ, что и горы — обманъ, и восхожденіе — призракъ, но обманъ, но призракъ необходимый — созданіе нашей воли, чтобы могли мы вырастить наше благородство, чтобы преодолѣніемъ препятствій, хотя бы и призрачныхъ, научиться жестахъ плавнаго веселья.

Въ лучшихъ русскихъ людяхъ заложена пророческая способность видѣть лучшее будущее рода человѣческаго. Но въ мечтахъ русскіе люди забываютъ о позорѣ настоящаго и, подражая образамъ грядущаго своими неумѣлыми манипуляціями, напоминаютъ обитателей сумасшедшаго дома.

Благородство долга, кующее путь восхожденія, есть удѣлъ запада. За этой работой часто забывается цѣль восхожденія, но горные уступы становятся удобными для ночи.

Вотъ почему мы обязаны (хотя бы на время) забыть волнующаго насъ, но бесплоднаго Достоевскаго, чтобы съ благодарностью принять путь, указанный Ибсеномъ.

III.

Глубокія природы Достоевскій и Ибсенъ. Кромѣ того: Достоевскій — натура широкая, а Ибсенъ — высокая.

Ибсена роднитъ съ Достоевскимъ то, что оба — о міровомъ будущемъ; одинъ многое видитъ, но пути не имѣетъ, а потому пьяно шатается безъ опредѣленнаго пути, для вида, стыдливости ради, прикрываясь старыми догматами; другой, хотя и менѣе видитъ, но зато вѣрнѣе идетъ, смотря себѣ подъ ноги, опредѣляя путь не столько по картинамъ будущаго, сколько по проваламъ и отвѣсамъ, обрамляющимъ настоящее.

Достоевскій — мечтатель — провидецъ. Ибсенъ — искусный инженеръ и механикъ; по мѣрѣ возможности онъ приводитъ въ исполненіе хотя бы часть гениальнаго, но пока безпочвеннаго плана Достоевскаго. Ибсенъ впервые намѣчаетъ въ душѣ низины и горы, и тѣмъ даетъ воздушную перспективу безвоздушнымъ широкимъ плоскостямъ Достоевскаго.

Ибсенъ регулируетъ хаосъ души. Вотъ почему онъ даетъ пространство, регулируя хаосъ. Люди, доселѣ мечтавшіе о высотѣхъ, и никогда не восходившіе къ солнцу, а развѣ катавшіеся на тройкахъ вдоль равнинъ, вдругъ начинаютъ дѣловито строить высокія башни

и молча всходить на нихъ. Ибсенъ, какъ горный инженеръ, не терпитъ широты кругозора; онъ намѣренно упрощаетъ и суживаетъ окружающее, приводя его къ опредѣленному, данному построению. Вотъ почему онъ ограниченнѣй Достоевскаго. Но, быть можетъ, онъ — менѣе выскочка, болѣе культурный человекъ.

Слѣдуетъ помнить, что онъ кажется ограниченнымъ публикѣ, изловчившейся въ различныхъ психологическихъ фокусахъ, которыми ее угощаютъ различные писатели вродѣ талантливаго Пшибышевскаго. Часто подѣ тонкостью психологiи разумѣютъ тоже ловкое шулерство и передергиванье картъ. Боргманы, Сольнессы, Рубеки еще слишкомъ прямолинейны, тяжелы сравнительно съ ловкачами изъ романовъ Пшибышевскаго. Но зато герои Ибсена—воистину герои.

Измѣренiе талантовъ Достоевскаго и Ибсена возможно при помощи разныхъ масштабовъ. Въ то время какъ глубина Достоевскаго измѣряется степенью широты (всечеловѣкъ), глубина Ибсена опредѣлима высотой (всходилъ на башню). Высота и широта, пока они не объединены чѣмъ-то вышшимъ и безусловнымъ (Божьимъ градомъ), выступаютъ во временное столкновение. Вотъ почему Ибсенъ благороднѣе, но уже Достоевскаго; вотъ почему Достоевскiй неизмѣнно шире Ибсена, — неизмѣнно шире и низменнѣй. Ибсенъ — аристократъ. Достоевскiй — мѣщанинъ. Герои другихъ современныхъ авторовъ часто скользятъ по паркету гостиныхъ, или шатаются къ любовницамъ—скользятъ и шатаются въ ширину, герои Ибсена — поднимаются. Вотъ откуда ихъ тяжеловѣсность. Но тяжесть — признакъ потенциальной энергiи. Герои Ибсена сильны тайной силой, ихъ мѣшковатость плѣняетъ насъ, ибо они въ нужный моментъ не покинуть дѣла, не предадутъ, являя по мѣрѣ силъ свой подвигъ горнаго благородства.

Они всегда на мѣстахъ, и потому готовы отвѣтствовать за себя. Отвѣтственность дѣлаетъ ихъ облеченными властью. Они подобны администраторамъ, и потому сдержанны, скупы на слова и жесты, въ противоположность трактирнымъ болтунамъ Достоевскаго, съ незастегнутой, замаранной душой.

Легко критиковать молчанiе администратора въ тотъ моментъ, когда отъ его рѣшенiя зависитъ спасенiе или гибель родины. Мечты, хотя бы и обольстительныя, не для него и онъ въ силу занимаемаго поста обреченъ казаться ограниченнѣй, нежели есть на самомъ дѣлѣ. Трудность и сравнительная нѣмота ибсеновскихъ героевъ—отъ ихъ отвѣтственности, вокругъ нихъ всегда напряженность чистаго трагизма. Они гибнутъ на своихъ постахъ; герои Достоевскаго всегда залиты потоками словъ, иногда жалобныхъ; всегда они плачутъ о собственной гибели.

Слѣдуетъ помнить, что энергія, способная набросать каменные глыбы гранита, предполагаетъ цѣль этой гигантской работы. хотя бы разъ ясно сознаанной. И если герои Ибсена тянутся къ небу, они видѣли его, хотя бы потомъ и забыли, каково оно. Но кто видѣлъ небо, тотъ и Градъ Божій увидитъ. Ибсенъ не рисуетъ предъ нами картины блаженства; вниманіе его направлено на то, чтобы здѣсь, сей часъ нога не скользнула въ пропасть. Опасности минуты закрываетъ солнце туманомъ, вырастаетъ трудность подвига.

Творчество Ибсена — горный подъемъ, занавѣшенный туманомъ. Въ ледникахъ свиститъ буря, а въ пролетахъ тучъ видны залитыя дождемъ, покинутыя низины, убогія. Герои Ибсена всегда уходятъ въ горы. Это значитъ — они стремятся къ солнцу. Герои Достоевскаго говорятъ о солнечномъ городѣ такъ, какъ будто побывали въ немъ, и при этомъ не выходятъ изъ комнатъ. Герои Ибсена твердо гибнутъ въ горахъ, не разболтавъ того, о чемъ иные кричатъ въ дряненькихъ трактирахъ. Счастье волнуетъ ихъ сердца, но, взволнованные, они не забываютъ о трудностяхъ подвига; они знаютъ, что экстазъ не зальетъ своимъ пламенемъ горные пути благодородныхъ восхожденій.

Герои Ибсена не воспламенены мистикой апокалипсиса. Быть можетъ, они — цѣломудреннѣй сохранили огонь свой для высотъ, для себя, для потомства, быть можетъ, они уже пропылали и теперь среди горъ улыбаются дѣтскимъ экстазамъ прошлаго, отошедшимъ въ даль. Мы не видимъ дна ихъ души, т. к. герои Достоевскаго всегда на днѣ. Достоевскій религіозенъ; но огонь его религіи не идетъ далѣе словесныхъ живописаній переживаемаго. Эти живописанія ловко укрыты ризой христіанства. Ловкость, съ которой пригонялъ Достоевскій свой анархизмъ къ христіанству, создаетъ почву для всевозможныхъ упрековъ его въ мистификаціи, бессознательныхъ подлогахъ.

Герои Ибсена цѣломудреннѣй на слова. Но мы не имѣемъ права сказать, будто апокалипсическая истерика Достоевскаго имъ совершенно чужда только потому, что эти послѣдніе выбалтываютъ свою душу въ грязненькихъ трактирахъ. Мрачны герои Ибсена, но въ дикованіе Достоевскаго оканчивается часто истерикой и эпилепсіей. Я не знаю, что ужаснѣе — холодная готовность умереть, борясь съ рокомъ, или мистика бѣсноватыхъ Карамазовыхъ. Можно установить соотношеніе между апокалипсисомъ и трагедіей, но не эпилепсіей. Отъ всѣхъ этихъ клиническихъ формъ мистицизма подымается дурной запахъ мистификаціи.

Герои Ибсена тяжелы. Слова ихъ косноязычны. Всегда они говорятъ о внѣшнихъ предметахъ и отношеніяхъ. А когда придаютъ этимъ отношеніямъ символическій смыслъ, это выходитъ такъ прямо,

такъ явно. Нигдѣ не порвется у Ибсена виѣшній міръ, но отчего такъ сильны эти явные, почти воплощенные символы? Почему мы дрожимъ, когда Боркманъ беретъ палку и идетъ бороться съ жизнью? И, наоборотъ,—не потрясають у Достоевскаго страшныя слова Кириллова: „Бываютъ ли у васъ, Шатовъ, минуты вѣчной гармоніи?“

У Ибсена колокольня остается всегда колокольной, берется ли она прямо, или какъ символъ. Рамки дѣйствительности не раздвигаются виѣшнимъ образомъ для него. Но прислушайтесь—сколько музыки въ простыхъ холодныхъ словахъ. Пока въ душахъ героев Ибсена происходитъ преобразующая борьба, — въ душахъ, о которыхъ мы ничего не вѣдаемъ, они пользуются старыми испытанными средствами жизненнаго строительства, влагая въ нихъ новый трепетъ возрастающей тайны. Въ словахъ и чаяніяхъ герои Ибсена консервативнѣе, сравнительно съ героями Достоевскаго и мистиками нашихъ дней. Но въ дѣлахъ они—новаторы. Вотъ почему они скорѣе теурги нежели всѣ мы, чаючіе Града Новаго. Отвѣтственность поста дѣлаетъ ихъ безгласными въ томъ, въ чемъ болтливы мы, влачаще за собой тяжелое наслѣдство Достоевскаго. Но за ними пойдутъ толпы. Карамазовы, Версиловы знаютъ, что за ними никто не пойдетъ; это дѣлаетъ ихъ безотвѣтственными. Вотъ почему они умиляются беспочвенности собственныхъ прозрѣній и плодятъ невоплотимыя тайны на мученіе и скорбь честнымъ людямъ.

Творчество Ибсена не только призывъ къ ледникамъ, или изобрѣженіе паденій въ пропасть, но и наука о горномъ пути: инженерное искусство строить мосты и взрывать граниты. Пусть забыта цѣль восхожденія. Когда будутъ изучены средства, цѣль откроется и разорвется туманъ блужданій. Уже золотые мечи разрубали туманы, когда Ницше бросался въ горы по хорошо проложеннымъ путямъ ибсеновскихъ героевъ. Тутъ мы узнали, какое ослѣпительное богатство сіяетъ за горнымъ туманомъ, и ничто не удержитъ насъ больше въ низинѣ. Мы знаемъ: свѣтъ есть. Съ насъ достаточно этого знанія. Мы можемъ пока обойтись безъ широковѣщательныхъ апокалипсическихъ экстазовъ, если они преподаются въ кабачкахъ или при звукахъ охрипшей шарманки. Благородное одиночество даетъ отдыхъ душѣ, вырванной изъ тисковъ кабацкой мистики.

Голосъ Заратустры зоветъ теперь насъ туда, на могилы Рубека и Бранта, этихъ суровыхъ борцовъ освобожденія. Много мы слышали обѣщаній въ кабачкахъ, гдѣ мистики братались съ полицейскими, гдѣ участокъ не разъ выдавали за вѣчность хотя бы въ образѣ „бани съ пауками“.

Не пора ли намъ проститься съ такой широтой, подобраться, сузиться и итти по горному пути, гдѣ стоитъ одинокій образъ Генрика Ибсена?

ПИСЬМО ИЗЪ ИТАЛІИ.

I.

Много уже лѣтъ итальянская жизнь борется и развивается среди двухъ рѣзкихъ контрастовъ. Первый контрастъ болѣе общественный чѣмъ нравственный: экономическое преуспѣяніе и политическое униженіе; второй—болѣе нравственный, чѣмъ общественный: давленіе славной, но мертвой античной жизни и лихорадочное стремленіе встать наравнѣ съ европейскою жизнью и культурой. Эти двѣ антиноміи даютъ итальянской современной душѣ ту сложность, которую иностранцы не всегда понимаютъ; это чередованіе восторговъ и унынія, созерцательныхъ мечтаній и гордыхъ стремленій, скептическаго фарненте и американской дѣловитости.

За послѣдніе десять лѣтъ Италія развилась удивительно въ экономическомъ отношеніи. Старыя отрасли промышленности утратили и упятерили свою производительность; образовалось много новыхъ отраслей и онѣ не падаютъ, но правильно развиваются. Итальянскій балансъ, который только что сведень, далъ чистое превышеніе въ 44 милліона, наша рента выше аль пари. Кредитъ и частная предпримчивость никогда еще не имѣли такого широкаго развитія.

Но этому удивительному экономическому подъему, который не даетъ никакихъ признаковъ пониженія, представляетъ совершенный контрастъ политическій упадокъ. Уже десять лѣтъ, какъ нами перестали управлять. Въ Римѣ смѣнялись министерства, съ честными и благими намѣреніями, но слабыя, неувѣренныя, безъ какихъ-либо достойныхъ программъ національной политики, болѣе старающіяся поддержать преобладаніе въ парламентѣ, чѣмъ преобразовывать страну и ея судьбы. У насъ былъ цѣлый рядъ посредственныхъ извѣстностей, вышедшихъ изъ традиціонно-либеральной адвокатуры, какъ Занарделли или изъ чиновничества, какъ Джіолитти—людей компетентныхъ въ законахъ и балансахъ, но неспособныхъ образовать настоящій и самостоятельный кабинетъ. Съ Фортисомъ, теперешнимъ президентомъ министровъ упадокъ еще болѣе усилился.

Такимъ образомъ съ послѣдняго кабинета Криспи (1896) у насъ не было больше правительства, которое имѣло бы по отношенію къ Италіи какой-либо планъ, выходящій за предѣлы интересовъ дня или мѣсяца жизни министерства. Всякое честолюбивое стремленіе сдѣлать изъ Италіи центръ великаго нравственнаго вліянія, какъ о томъ мечталъ Мазини, или центръ новаго латинскаго захвата, который долженъ былъ начаться съ Африки, какъ того хотѣлъ Криспи,—всякое такое стремленіе теперь оставлено. Несчастная абиссинская война, прежняя финансовая слабость, преобладаніе демократическихъ партій, все это совершенно лишило римскихъ чиновниковъ обще-имперскаго духа. Теперь, когда благосостояніе возросло, а революціонныя партіи пришли въ упадокъ, теперь нѣтъ человѣка, который заставилъ бы всѣхъ вспомнить, что великая страна живетъ не только во кулуарахъ парламента, но и внѣ предѣловъ своихъ границъ, во времени и въ пространствѣ болѣе значительномъ, чѣмъ какое занимаетъ министерство. Италія боится вспомнить, что она наслѣдуетъ Риму.

II.

Все это, могутъ возразить мнѣ, не имѣетъ никакого отношенія къ искусству и литературѣ. Но совершенно очевидно, что разумное существо даже и тогда, когда творитъ вѣчныя произведенія, живетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ извѣстный моментъ времени и его дѣятельность заключена въ этотъ неустойчивый, но все-таки существующій міръ, въ которомъ она возникаетъ и развивается. Нельзя понять Данте безъ Фаринаты и Кардучи безъ Гарибальди.

Другой контрастъ, о которомъ я упомянулъ, находится въ гораздо большей связи съ духовной жизнью. Дѣло вотъ въ чемъ: у Италіи великое и славное прошлое. Три раза ея цивилизація проходила по всему міру, военная и законодательная съ римскими императорами; религіозная и устроительная съ папами; художественная и научная съ великими гуманистами, художниками и учеными ихъ современниками. Многіе изъ нашихъ городовъ были столицами республикъ и принципатовъ и сохранили въ дворцахъ и церквахъ роскошь древнихъ властителей; нѣкоторые города преобразовались подъ вліяніемъ новой жизни, но другіе остались могилами полуспящихъ, величественными и пышными гробницами, въ которыхъ жизнь замираетъ и воздухъ удушливъ. Послѣднія итальянскія по-

молѣнія чувствуютъ еще болѣе предшествующихъ колдовство всей этой исчезнувшей жизни, оставившей по себѣ только замирающее эхо, одежду и обстановку. Съ одной стороны они какъ будто очарованы этими мертвыми городами, такими прекрасными и такими молчаливыми, городами, гдѣ можно мечтать и плакать, гдѣ можно вызывать тѣни великихъ отцовъ нашего рода и блестящія и ужасныя воспоминанія древнихъ дворовъ и древнихъ битвъ. Но эти чары въ концѣ концовъ убаюкиваютъ и усыпляютъ, заставляютъ смотрѣть на жизнь исключительно какъ на созерцаніе прошлаго и на сожалѣнія о немъ; убѣждаютъ въ томъ, что города должны превратиться въ музеи, а люди, живущіе въ нихъ, въ хранителей памятниковъ древности. Церкви преобразованы въ галлерей, дворцы общинъ или синьоровъ въ платные музеи—мѣстная промышленность вся сведена къ производству копій и воспроизведенію предметовъ искусства; единственными профессіями сдѣлались профессіи гида, извозчика, содержателя гостиницы и продавца фотографій и иллюстрированныхъ открытокъ.

Итакъ, наше великое прошлое оказывается, въ одно и то же время, нѣкотораго рода удобствомъ, но и значительной опасностью; напиткомъ гордости, но и коварнымъ ядомъ. Оно приучаетъ насъ смотрѣть на жизнь какъ на описаніе, созерцаніе, сохраненіе и утвержденіе того, что было, а не какъ на желаніе, стремленіе и подготовку къ тому, что будетъ. Наши великіе отцы, въ то же самое время, наши убійцы и наши угнетатели.

Но наряду съ этимъ искусственнымъ замораживаніемъ, произведеннымъ, главнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ городахъ, огромной тѣнью нашей исторіи замѣчается со середины прошлаго столѣтія плохо скрытое, безпокойное стремленіе достигнуть степени цивилизаціи другихъ великихъ европейскихъ народовъ...

И, дѣйствительно, то, что разумѣется подъ именемъ цивилизаціи въ европейскомъ словарѣ, идетъ постоянно увеличиваясь также и въ Италіи, и сѣверная ея часть достигла уровня наиболѣе культурныхъ областей Франціи и Германіи. Но у многихъ и въ особенности у тѣхъ, кто проѣзжаетъ по странѣ, все-таки остается нѣкоторое ощущеніе разлада Италіи съ новой жизнью. Наша страна находится еще въ переходномъ состояніи, она больше уже не представляетъ собой сада для выздоравливающихъ или музея древностей, но она еще и не великій всесвѣтныи рынокъ, какъ Лондонъ, и не огромная умственная печь, какъ Парижъ. Мертвая древность и современная жизнь существуютъ рядомъ. Онѣ переносятъ другъ друга, хотя и не безъ отвращенія.

Въ нѣкоторыхъ городахъ въ нѣсколько минутъ можно перейти съ большихъ улицъ, кишашихъ трамваями, экипажами и людьми съ

дѣловымъ видомъ на пустынные площади, гдѣ дышитъ еще атмосфера среднихъ вѣковъ или XVI столѣтія. Эстеты хотѣли бы уничтожить трамваи и фабрики—промышленники хотѣли бы сравнять съ землей старыя стѣны и разнести старыя кварталы, и ни тѣ, ни другіе не довольны. Мы переживаемъ переходное состояніе, въ которомъ ни прошедшему, ни будущему не удается завоевать настоящаго.

Такимъ образомъ, благодаря этой двойной драмѣ итальянской души, не могла возникнуть и расцвѣсти новая, свѣжая, великая духовная жизнь, какой долженъ жить каждый народъ, который желаетъ что-нибудь значить въ этомъ мірѣ. Дѣятельность нашихъ купцовъ и нашихъ рабочихъ не можетъ возмѣстить ничтожество національной политики—и наша культура, колеблющаяся между мечтательностью на фонѣ исторіи и жаждою новаго и чужеземнаго, не сдѣлала еще ни одного великаго утвержденія—властнаго и своего. Также и литература почувствовала вліяніе этой неопредѣленной жизни націи. У насъ есть народная литература, манціанскаго происхожденія, выраженіе удовлетворенной и легко удовлетворяющейся буржуазіи (типа Де-Амичиса); у насъ есть продолженіе нашей классической поэзіи, прославляющей нѣсколько риторически прошлую славу (типа Кардучи); у насъ есть воскрешеніе языческаго идеала душой, проникнутой романтическими страданьями (типа д'Анунціо), но еще не появилось новой литературы, свободнаго голоса новой Италіи, выразительницы нашихъ новыхъ задачъ и нашихъ новыхъ безпокойствъ. Ни буржуазныя исторійки Роветты, ни великая языческая и патріотическая лирика Кардучи и д'Анунціо, ни ироническія и сентиментальныя драмы Роберта Бракко не могутъ здѣсь итти въ счетъ. Все это литература рефлекса, она не выходитъ изъ почвы, изъ нашей земли, изъ нашихъ сердецъ, но происходитъ отъ нашего литературнаго воспитанія, отъ нашихъ соприкосновеній съ иностранцами. Единственная литература, которая была бы дѣйствительно итальянской по происхожденію,—классическая, не можетъ быть болѣе нашей: она слишкомъ стара. Въ Италіи еще не было чего-либо подобнаго романтизму. Немногіе романтики, которые у насъ были, или были классиками по темпераменту или копировали нѣмецкихъ и французскихъ. У насъ была политическая революція, но не было еще литературной. Д'Анунціо, который слыветъ еще за предѣлами Италіи за подлиннаго представителя нашихъ современныхъ умственныхъ настроеній, весь еще въ прошломъ со своимъ классическимъ и риторическимъ искусствомъ, вышедшимъ исключительно изъ иностранныхъ воспоминаній, и едва только въ своихъ „Laudi del Mare, del Cielo, della Terra e degli Eroi“ впервые почувствовалъ новую поэзію современныхъ ужасныхъ городовъ. Но онъ

остался одинокимъ, его почитатель Маріо Морассо, восхваляющій современную жизнь, не могъ создать ничего другого, кромѣ статей слишкомъ сомнительнаго литературнаго значенія.

III.

Новое поколѣніе—поколѣніе, появившееся на свѣтъ около 1880—которое теперь начинаетъ тамъ и сямъ подавать свой голосъ, знаетъ все это. Въ немъ болѣе ясно, чѣмъ во всѣхъ другихъ группахъ, проявляется этотъ двойной конфликтъ, который ослабляетъ и волнуетъ итальянскую жизнь. Оно не выказываетъ по отношенію къ экономической дѣятельности того священнаго презрѣнія, которое было у предыдущаго духовнаго поколѣнія, поколѣнія поэтовъ изъ „tour d'ivoire“, но чтобы радоваться этой новой животной жизненности нашего народа, я не могу на нее смотрѣть иначе какъ на условіе, на подготовку къ болѣе высокой духовной культурѣ. Возрожденіе начало процвѣтать съ тѣхъ поръ какъ разбогатѣли флорентинскіе и венеціанскіе купцы, но если бы ихъ дѣти не сдѣлали ничего иного, то теперь о нихъ не осталось бы никакого другого упоминанія, кромѣ какъ въ исторіи торговли. Поэтому послѣднее итальянское поколѣніе разсматриваетъ настоящее обогащеніе лишь какъ хорошее удобреніе для грядущихъ великихъ произведеній искусства и мысли. Генуэзскіе оружейники и миланскіе шелковщики очень хорошо дѣлаютъ, что занимаются своими дѣлами, но все окажется тщетнымъ, если завтра великій поэтъ и великій философъ не скажетъ намъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ словъ, безъ которыхъ люди не могутъ болѣе обходиться. И это поколѣніе не стоитъ вовсе вдали отъ политической жизни, хотя оно и боится рѣшиться на какой-либо шагъ на этомъ поприщѣ. Но это потому, что политическая жизнь, по ихъ взглядамъ, должна быть политикой національной, въ полномъ смыслѣ этого слова, а не парламентарской; политикой захвата, а не страха; политикой великаго народа, наследника великаго народа. Поэтому они оставляютъ въ значительномъ количествѣ и, это послѣ шумныхъ восторговъ перваго времени, ряды социалистовъ и полагаютъ, что послѣ опыта въ области коллективизма остается продѣлать только одинъ, и болѣе героическій опытъ на почвѣ империализма.

Но то, чего ищутъ эти юноши, это созданіе жизни духа и владычества духа болѣе сложныхъ и напряженныхъ, чѣмъ это существу-

еть гдѣ-либо теперь, созданіе духовной жизни, которая дастъ себя чувствовать произведеніями искусства, напоенными новымъ свѣтомъ, воспламененными новымъ огнемъ, возникшимъ изъ новой, болѣе глубокой тьмы; созданіе духовнаго владычества, которое не состоитъ на службѣ у людей, не изслѣдуетъ только законы міра, но превращаетъ волю въ дѣйствіе, безъ помощи низкихъ средствъ. Оно хочетъ чтобы итальянская душа—душа въ значительной степени веселая, легкомысленная, поверхностная—стала болѣе возвышенной, великой, болѣе сильной, болѣе сосредоточенной и—почему даже нѣтъ—болѣе печальной. Оно хочетъ преобразовать итальянскую душу и тѣмъ самымъ возвысить душу всѣхъ людей. Это первая великая духовная программа, которую ставятъ себѣ итальянцы за послѣдніе много-много лѣтъ.

Все это даетъ возможность понять, почему послѣднее поколѣніе имѣетъ скорѣе наклонности философскія и религиозныя, чѣмъ литературныя и художественныя. Дѣйствительно, эти наши юноши заняты проблесками души и міра, разыскиваютъ съ тревожной старательностью произведенія мистиковъ и святыхъ. Они собирались на послѣднемъ международномъ психологическомъ конгрессѣ, состоявшемся въ Римѣ въ апрѣлѣ этого года—они готовятъ въ Бари собраніе великихъ новыхъ философовъ, которое начнется Кантомъ и включить Джіордано Бруно и Берклея, Фихте и Гегеля—они начинаютъ издавать въ Миланѣ собраніе мистиковъ (*Poetae philosophi et philosophi minores*), которое начнется Новалисомъ, и продолжится Платономъ, Жаномъ Паулемъ и святой Терезой—они издаютъ во Флоренціи журналъ идей Леонардо, который блестяще выдержалъ уже не одно сраженіе и стремится разбить послѣдніе жалкіе остатки варварскаго владычества позитивизма и возстановить права духовной жизни, призывая союзниковъ для своего дѣла со всего обширнаго міра. Это поколѣніе еще слишкомъ молодо, чтобы оно могло уже дать нѣкоторое количество произведеній, которыя сдѣлали бы ихъ извѣстными и утвердили бы ихъ положеніе въ исторіи умственнаго развитія Италіи. Пока его дѣятельность лишь подготовительная. Оно пробовало послѣдовательно различное оружіе, оно упражнялось и воспитывало себя въ извѣстной дисциплинѣ. Въ тотъ день, когда оно выступитъ на поиски за приключеніями, побѣды, несомнѣнно, будутъ его сопровождать.

Таковы теченія итальянской жизни. Тѣ, которые встаютъ послѣ долгаго безсоннаго бодрствованія, какъ разъ, быть можетъ, предназначены для примиренія двойного раздора, который ихъ мучаетъ. Они пользуются возрастающимъ экономическимъ преуспѣяніемъ какъ фундаментомъ для болѣе мощной политической жизни и для болѣе роскошнаго процвѣтанія духовнаго, оставляютъ мертвое прошлое архео-

логамъ и историкамъ, вдохновляясь древними лишь въ убѣжденіи, что слѣдуетъ творить великія дѣла, способныя вдохновить другихъ и обращаютъ свои силы на будущее, но не на то будущее, какимъ его представляютъ себѣ руководители трестовъ или главы синдикатовъ—на основаніи повѣстовъ большой скорости и казармъ социалистически-мѣщанскаго благополучія, но какъ о немъ грезилъ святыя предшественники Царства Духа — въ образѣ болѣе сильной монархіи, болѣе глубокой души надъ всей великой вселенной.

Таковы наши предначертанія. Въ другой разъ мы разсмотримъ, какими путями мы стремимся превратить ихъ въ мощныя дѣйствія.

Giovanni Papini.

Городъ. Рис. Н. Сапунова.

НѢМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1905 ГОДУ.

Много книгъ, много именъ проносятся мимо пестрой толпой; кое-что радуетъ взоръ; кое-что вызываетъ улыбку, то сочувственную, то насмѣшливую, но лишь рѣдко-рѣдко хочется сказать подобно Фаусту: „Verweile doch, du bist so schön!“ . „Патентованные“ не дали новаго, нѣкоторые уже начинаютъ повторять себя; молодежь какъ-то не высказывается; тѣ, которые своими первенцами вызвали преувеличенныя надежды, плохо оправдываютъ эти надежды; можетъ быть гдѣ-нибудь и скрывается мессія, котораго мы ждемъ вотъ уже третье десятилѣтіе, — въ 1905 году онъ во всякомъ случаѣ не объявился, а пророки его, возвѣщавшіе его явленіе еще въ 80-тыхъ годахъ, успѣли отяжелѣть и обратиться въ почтенныхъ мужей, регулярно выпускающихъ книжку за книжкой и расписывающихся въ полученіи гонора.ра.

Тѣмъ не менѣе есть то-другое, на чемъ можно остановиться. Карль Шнитцелеръ (которому въ апрѣлѣ исполнилось 60 лѣтъ) закончилъ свою поэмѣ „Олимпійская весна“. Этотъ замѣчательный поэтъ и первоклассный стилистъ, о которомъ восторженно отзывались Фридрихъ Ницше и Готфридъ Келлеръ, всегда стоялъ въ сторонѣ отъ литературныхъ теченій; его любили и цѣнили почти только на его родинѣ, въ Швейцаріи; модернисты, кричавшіе ура болѣе яркому, но менѣе глубокому Лиліенкрану, проглядыли его. Недавно лишь имя его стало называться чаще; энергичнѣе всѣхъ пропагандировалъ его человекъ „со стороны“ — не литераторъ, но глубокой и тонкой художникъ-музыкантъ Феликсъ Вейнгартнеръ. „Olympischer Frühling“ — смѣлая попытка возродить миенгескій эпосъ. Сохранены греческія имена, но въ старыя формы влито новое содержаніе. По волѣ Ананкэ, Всемирной Необходимости, владычеству Кроноса положенъ конецъ; спящее въ глубинѣ Гадеса новое поколѣніе боговъ пробуждается и всходитъ на Олимпъ; повелителемъ надъ всѣми долженъ стать тотъ, кто завоюетъ руку Геры; побѣду одерживаетъ не самый сильный, не самый прекрасный, а самый хитрый—Зевесъ. Послѣднія двѣ части изображаютъ жизнь новыхъ боговъ на Олимпѣ

Все для нихъ ново, все для нихъ привлекательно, каждый день полонъ чудесъ — вѣдь на землѣ весна! Но и безпечнымъ олимпійцамъ приходится убѣдиться, что вѣчной весны не бываетъ, что и для боговъ счастье невозможно безъ извѣстнаго самоограниченія, безъ резиньяціи... Поэма Шниттелера даетъ рядъ картинъ упонительной красоты, стихъ его (римованный шестистопный ямбъ) мощный, звучный, полный смѣлыхъ неологизмовъ. Нѣкоторыя пѣсни, какъ „Apoll der Entdecker“ (Путешествіе Аполлона къ солнцу) или „Poseidon mit dem Donner“ (Посейдонъ захватываетъ власть надъ океаномъ) невольно направляются на сравненіе съ классической вальпургіевой ночью „Фауста“.

Въ лирикѣ затишье. Стефанъ Георге и его друзья не дали ничего новаго. Сборники Вольфскала и Фолльмеллера вышли еще въ 1903 году. Рихардъ Демель выпустилъ значительно пополненное второе изданіе „Избранныхъ стихотвореній“. Съ „Избранными стихотвореніями“ выступилъ и Рихардъ Шаукаль, этотъ капризный, кокетливый жонглеръ, въ стихахъ котораго столько блеску и изысканности и такъ мало души. Рильке молчитъ; новая книга Альфреда Момберта „Цвѣтъ хаоса“ еще туманнѣе, чѣмъ прежнія его творенія, но порой среди сѣрой, колышавшейся тьмы ярко вспыхиваетъ пламя и вырисовываются гигантскіе, поражающіе душу образы.

„Brückenlieder“ Георга Буссе-Пальма разочаровали, вѣроятно, всѣхъ; зато вторая книга Александра Бернуса „Жизнь, Грезы, Смерть“ (Leben, Traum und Tod) — несомнѣнный шагъ впередъ „Стихотворенія“ Альберта Маттэи, редактора „Jugend“, интересны больше съ философской, чѣмъ съ художественной стороны; авторъ — пророкъ, мечтающій о „третьемъ“ царствѣ, гдѣ Христосъ будетъ руководить хоромъ музъ, сохранившихъ всю свою эллинскую красоту.

Къ лирикамъ слѣдуетъ причислить и Петера Альтенберга. Его миниатюры всегда были „стихотвореніями въ прозѣ“. Новая книга его „Prodromos“ — крайне своеобразна. Автора занимаетъ вопросъ о взаимодействіи тѣла и души. Mens sana in corpore sano — а потому поэтъ становится гигиенистомъ и тономъ вдохновеннаго пророка повѣствуетъ о цѣлебныхъ свойствахъ Tamag Indien и Vino Condurango, о зубочисткахъ и теплыхъ ваннахъ. „Перемѣна бѣлья да будетъ событіемъ для твоего тѣла, а не пошлой обыденной привычкой!“ — „Сокращая и облегчая трудъ пищеварительнаго аппарата становишься гениальнымъ человѣкомъ!“ — О, если бы такъ! Иногда, впрочемъ, онъ касается и другихъ предметовъ, помимо гигиены пищеваренія, и тогда предъ нами старый Альтенбергъ съ его удивительнымъ умѣніемъ въ немногихъ словахъ сказать безко-

нечто многое, обнажить сущность явленія, отбрасывая все лишнее, внѣшнее, наносное, втиснуть, по его собственному выраженію, въ маленькую банку экстрактъ изъ цѣлаго быка.

Новыхъ романовъ много, но качество не соотвѣтствуетъ количеству. Необычайный шумъ надѣлалъ никуда не годный „Götz Krafft“ Эдварда Штильгебауера, благодаря беззащитной чисто-американской рекламѣ издателя. Германъ Гессе, авторъ восхитительнаго „Петра Каменцинда“, далъ новый романъ — „Подъ колесомъ“ („Unterm Rad“). Колесо—это школа, безжалостно нивеллирующая молодые души. Но Гессе слишкомъ большой поэтъ, чтобы ему могъ удался тенденціозный романъ. вмѣсто проповѣди получилась чудная, полная нѣжнаго лиризма картина юнаго расцвѣта и увяданія, вмѣсто инвективы — элегія. Какъ и въ „Каменциндѣ“ лучшія страницы романа носятъ автобиографическій характеръ. Автобиографическій романъ далъ и Цезарь Флайшленъ въ „Лостѣ Зейфридѣ“. Это — исторія душевныхъ переживаній поэта въ „критическій“ возрастъ между 30 и 40 годами — въ эпоху между Голгоею и Воскресеніемъ, когда поблекли цвѣты, но не созрѣли еще плоды; исторія грустныхъ думъ и тяжкихъ сомнѣній.

Талантливейшая изъ нѣмецкихъ писательницъ, Рикарда Гухъ послѣ своей чудной романтической фантазіи „О царяхъ и вѣнцѣ“ (Von den Königen und der Krone) дала только три небольшихъ повѣсти, подъ общимъ заглавіемъ „Мыльные пузыри“ (Seifenblasen). Это настоящій „hors-d'oeuvre“ — мило, граціозно, остроумно, но не значительно. Рикардѣ Гухъ посвятилъ свою новую книгу нашъ москвичъ Гергардъ Укама Кноопъ (Ouckama Knoop). „Sebald Seekers Vollendung“ — дневникъ одинокаго старѣющаго мыслителя, яснымъ, спокойнымъ взоромъ оглядывающагося на свое прошлое. Надъ книгой горитъ мягкій, ласкающій свѣтъ безоблачнаго заката. Кристальная ясность мысли, аристократическая простота формы. „Зебальдъ Зекеръ“ выдвигаетъ Кноопа въ первый рядъ нѣмецкихъ романистовъ-поэтовъ.

Въ драмѣ первенствующее мѣсто заняли теперь австрійцы. „Графъ Шаролѣ“ Рихарда Беръ-Гофмана вышелъ изъ школы Гофманстала. Сюжетъ взятъ изъ старой англійской пьесы Мессинджера и Фильда „Роковое приданое“, но новый поэтъ по старой канвѣ вышилъ свой собственный чудный узоръ. „Займствованная“ фабула, пожалуй, даже стѣсняла его. Мы ждемъ отъ него новаго созданія, совершенно свободнаго. Вотъ отзывы Альфреда Керра о пьесѣ: „Со времени появленія Гергарта Гауптмана никто въ Германіи не говорилъ такимъ языкомъ. Никто такъ не потрясалъ меня. Въ немъ горитъ благородная, дикая, строгая красота великаго богатства. Что-то въ насъ пробуждается, когда онъ начинаетъ говорить. Чув-

ствуешь близость неопишуемаго; невозможно сказать, въ чемъ оно заключается; можно сказать только: я потрясенъ. Здѣсь дѣйствуетъ скрытая сила, вродѣ той, что исходитъ отъ музыки. Ave, ave, ave, poeta!“.

Самому Гофмансталу не такъ посчастливилось. Его „Спасенная Венеція“ также передѣлка старой англійской драмы — Томаса Отвэя. Но ему не удалось, какъ въ „Электрѣ“ сдѣлать вполне своими созданные другимъ образы. Получилось нѣчто неорганическое: смѣсь кровожадности и сантиментальности, пышно-лирическихъ монологовъ и грубо-театральныхъ сценъ.

Третій австрійскій поэтъ, Артуръ Шнитцлеръ, далъ прекрасную трехактную комедію — „Zwischenspiel“. Это, можетъ быть, самое изысканное, самое тонкое, что когда-либо вышло изъ подъ его пера. Чисто-психологическая драма, почти лишенная внѣшняго дѣйствія, а потому конечно прославленная „не сценичной“. Амедей и Цецилія разошлись, увлеченные каждый новой страстью. Но они рѣшили остаться „друзьями“. „Интермеццо“ оканчивается скорбю, чѣмъ они предполагали, снова они стоятъ другъ передъ другомъ и никогда Амедей не находилъ Цецилію такой прекрасной, какъ теперь, когда она принадлежала другому. Она поддается его горячей мольбѣ — чтобы убѣдиться, что теперь дѣйствительно все кончено, что возврата къ прошлому нѣтъ и не можетъ быть.

Новая драма Гауптмана еще впереди. Въ истекшемъ году онъ опубликовалъ только старый, недоѣланный эскизъ, написанный еще въ 1896 году — „Эльгу“, имѣвшую довольно неожиданный шумный успѣхъ при постановкѣ на сценѣ. Германъ Зудерманъ, котораго когда-то ставили выше Гауптмана, разрѣшился невозможно-пошлой, грубо-ремесленной пьесой „Stein unter Steinen“, которая, конечно, какъ все плохое, уже успѣла появиться въ русскомъ переводѣ на московской сценѣ. Другая драма Зудермана, „Das Blumenboot“, говорятъ, лучше. Она уже вышла въ печати, но на сценѣ еще не поставлена.

Слѣдуетъ отмѣтить еще драму Германа Штера „Meta Koenigen“ — тонкій психологическій этюдъ талантливаго новеллиста, „Benignens Erlebnis“ графа Кейзерлинга — идиллія, разыгрывающаяся на фонѣ кровавыхъ событій 1848 года, — „Die Bergschmiede“, туманно-символическая сказка Карла Гауптмана, двѣ новыхъ пьесы Ведеккинда „Hidalla“ и „Totentanz“ — все та же смѣсь цинизма и балаганщины съ глубокомысліемъ и истинной поэзіей. Чрезвычайно смѣлой по замыслу является комедія Адольфа Пауля „Церковь дьявола“ (Die Teufelskirche).

Изъ великихъ писателей прошлаго всего чаще упоминался въ истекшемъ году, конечно, Шиллеръ — благодаря исполнившемуся 9-го мая столѣтію со дня его смерти. Юбилей былъ отпразднованъ въ высшей степени торжественно. Цѣннѣе официальныхъ рѣчей,

газетныхъ статей и популярныхъ брошюрокъ—попытка нѣкоторыхъ журналовъ (прежде всего „Literarisches Echo“) посредствомъ анкеты выяснить отношеніе нынѣшняго поколѣнія къ великому поэту. Оказалось, что никакой ненависти, никакого пренебреженія къ Шиллеру, какъ любили увѣрять старики, нѣтъ. Но нѣтъ и прежняго юношески-восторженнаго поклоненія. Мы любимъ Шиллера, но не такъ, какъ отцы, и не за то же самое, за что его любили отцы. Поблекло многое, передъ чѣмъ они благоговѣли, но выдвинулись иныя стороны, которыхъ они не замѣчали. Изъ многочисленныхъ научныхъ трудовъ, появившихся къ юбилею слѣдуетъ выдѣлить новую біографію Карла Бергера (второй, заключительный томъ выйдетъ осенью 1906 года) — солидная, добросовѣстная нѣмецкая работа, — и въ особенности книгу Евгенія Кюнемана (Eugen Kühnemann) „Schiller“. Это не біографія, поражающая массой деталей, а блестящая, вдохновенная характеристика мыслителя и художника, портретъ во весь ростъ, написанный смѣлыми штрихами и яркими красками. Кюнеманъ, къ слову сказать, авторъ также и превосходной книги о Гердерѣ (1893 г.). Отмѣтимъ еще прекрасныя и по внѣшности новыя изданія переписки Шиллера и Гете, съ интересной вступительной статьей Houston Stewart Chamberlain'a, и статей Шиллера объ эстетическомъ воспитаніи, подъ редакціей Александра Глейхенъ-Руссурма, правнука Шиллера. Наконецъ, фирма Котта въ Штутгартѣ аккуратно къ девятому мая закончила новое шестнадцатитомное критическое изданіе полнаго собранія сочиненій Шиллера, редактировавшееся Эдуардомъ фонъ-Гелленомъ, при участіи цѣлаго штаба нѣмецкихъ ученыхъ.

Скоро будетъ закончено также предпринятое той же фирмой и выходящее подъ той же редакціей новое изданіе Гете въ 40 томахъ; быстро подвигается впередъ изданіе сочиненій Клейста подъ редакціей Эриха Шмидта, не вышелъ еще пятый томъ, который долженъ заключать въ себѣ переписку поэта; по-истинѣ „монументальнымъ“ является превосходное изданіе сочиненій Геббеля, подъ редакціей львовскаго германиста Рихарда Вернера; двѣнадцать томовъ „сочиненій“ и четыре тома „дневниковъ“ вышли уже въ 1904 г.; въ настоящее время выходятъ письма поэта, на-лицо три, тома, всего предполагается семь или восемь. И въ „письмахъ“, и въ „дневникѣ“ много совершенно новыхъ, чрезвычайно цѣнныхъ матеріаловъ, неизвѣстныхъ прежнимъ издателямъ или устраненныхъ ими по какимъ-то особымъ соображеніямъ. Въ дополненіе къ этому изданію, Вернеръ въ серіи „Geisteshelden“ выпустилъ и біографію великаго нѣмецкаго пророка Ибсена.

Изъ книгъ по исторіи литературы можно назвать новое, совершенно переработанное изданіе „Нѣмецкой литературы въ XIX вѣкѣ“

Рихарда Мейера, изслѣдованіе Минора о „Вѣчномъ жидѣ“ Гете, въ связи съ религіозными движеніями XVIII вѣка, новый комментарий къ „Фаусту“ Литцмана, блестяще написанную „Исторію нѣмецкаго театра въ XIX вѣкѣ“ Макса Мартерштейга, сборники статей по театру Альфреда Керра, Германа Бара, Пауля Гольдмана, по литературѣ — Лео Берга, Оттокара Штауфъ фонъ-деръ-Марха и др. Въ серіяхъ небольшихъ монографій „Die Dichtung“, „Die Literatur“, „Die Kultur“ и т. п. не мало цѣннаго и интереснаго, какъ этюды Гофманстала о Гюго, Йог. Шляфа—о Уитманъ и Верхарнъ, Стефана Цвейга—о Верленъ, Гедвиги Ляхманъ о Уайльдъ. Вышелъ новый томъ писемъ Ницше и нѣмецкое изданіе писемъ Ибсена. Біографъ Ричарда Вагнера Глазенахъ, издалъ собраніе стиховъ своего кумира, но едва ли этимъ увеличилъ его славу. Стихи, за немногими исключеніями удивительно плохи. Лиризмъ Вагнера находить свое выраженіе не здѣсь, а въ музыкѣ.

Въ заключеніе слѣдуетъ помянуть умершихъ въ 1905 году. Въ лицѣ Германа Лингга († въ іюнѣ, 85 лѣтъ отъ роду) въ могилу сошелъ одинъ изъ послѣднихъ могиканъ стараго „мюнхенскаго“ академизма; изъ всей массы его стиховъ, драмъ, поэмъ уцѣлѣеть вѣроятно лишь нѣсколько балладъ, яркихъ, сильныхъ, лаконическихъ. Въ августѣ умеръ Юліусъ Штинде, совершенно исписавшійся авторъ филистерскаго романа „Семейство Бухгольцъ“, выдержавшаго баснословное число изданій, и Генрихъ Бультгауптъ, талантливый литературный и музыкальный критикъ („Dramaturgie des Schauspiels“, 4 тома и „Dramaturgie der Oper“, 2 тома) и недурный поэтъ. Ему принадлежитъ между прочимъ либретто къ ораторіи „Христосъ“ А. Г. Рубинштейна. Самую крупную потерю нѣмецкая литература понесла въ лицѣ Отто-Эриха Гартлебена († 11 февраля, род. 1864). Это былъ тонкій скептикъ, иронизировавшій надо всѣмъ, остроумнѣйшій собесѣдникъ, соперничавшій съ Мопассаномъ въ тонкости отдѣлки своихъ юмористическихъ новеллъ. Но къ его скептицизму примѣшивалось какое-то чисто-нѣмецкое добродушіе; это былъ Мефистофель, который во времена забывалъ свою роль и начиналъ чувствовать сожалѣніе къ своимъ жертвамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ чрезвычайно мягкій и нѣжный лирической поэтъ, мастеръ формы, страстный поклонникъ Гете, не чуждый и мистицизма. Слабѣе всего его драмы, имѣвшія впрочемъ большой внѣшній успѣхъ, такъ-какъ онѣ мастерски „сдѣланы“ и написаны на „злобу дня“ („Die Erziehung zur Ehe“ — противъ буржуазной морали, „Rosentopftag“ — противъ милитаризма), но и здѣсь есть одинъ перлъ—одноактная сатира „Die sittliche Forderung“, брызжущая остроуміемъ, воздушная, граціозная.

Артуръ Лютеръ.

НА ПЕРЕВАЛѢ.

А. Л. Вольтинскій. Достоевскій. Спб. 1906 г.

В. Розановъ. Около церковныхъ стѣнъ. Томъ 1-й, Спб. 1906 г.,

Перечитываешь знакомыя страницы объемистой книги Вольтинскаго. Читаешь, и невольно улыбаешься: всѣ эти хотя и умныя разсужденія вѣютъ такимъ далекимъ прошлымъ. Вѣрно, точно, пожалуй, оригинально, но, Боже мой, до чего примитивно, извѣстно, обще. Приступая къ еще непрочитаннымъ страницамъ, испытываешь невольный искусъ прекратить чтеніе. Все, сказанное авторомъ, могъ бы пожалуй и самъ разказать себѣ, принявъ стиль Вольтинскаго. Самымъ опаснымъ ударомъ для авторскаго престижа является дерзкая мысль читателя, будто онъ знаетъ все, что могъ бы сказать авторъ.

Понимая стиль любого писателя, можно въ разное время относиться и положительно, и отрицательно къ этому стилю въ зависимости отъ стадіи своего внутренняго развитія. Слишкомъ хорошо извѣстна людямъ нашей эпохи стадія отношенія къ Достоевскому, на которомъ стоитъ Вольтинскій. Вотъ почему запасъ наблюдательности, остроуміе, которымъ элегантно блещетъ Вольтинскій превратилось въ ходячее остроуміе; наблюдательность — въ общее мѣсто. Хорошо намъ извѣстенъ багажъ общихъ мѣствъ, необходимо насъ встрѣчающій на извѣстной стадіи пониманія Достоевскаго. Слишкомъ извѣстны предѣлы этой стадіи, а потому можно бы аргюггив вывести, что авторъ коснется „богочеловѣка и человѣкобога“, „раздвоенія сознанія“, „трагизма сладострастія“ и т. д. и т. д. Всего этого и касается авторъ. Мы уже не ждемъ „громовъ“ и „гласовъ“. Путь Достоевскаго и его школы намъ хорошо извѣстенъ. Вотъ почему анализъ его творчества имѣетъ для насъ лишь историко-литературный интересъ. Съ этой точки зрѣнія трудъ Вольтинскаго является цѣннымъ вкладомъ въ литературу о Достоевскомъ. Даже болѣе того: фактъ существованія у насъ изслѣдованій Мережковскаго, Вольтинскаго и Розанова пріятно шекочетъ національное самолюбіе. Передъ лицомъ Западной Европы мы можемъ ска-

зять, что русская критика оцѣнила и поняла великаго отечественнаго писателя. Еслибы не существовало у насъ этихъ изслѣдованій мы должны были бы краснѣть за русскую критику. Теперь мы спокойны.

Когда Розановъ пишетъ о полѣ, онъ сверкаетъ. Горячіе символы его безвременны. Времена, національности группируются вокругъ этихъ образовъ, какъ вокругъ своего ядра. Возвращаясь къ исторіи, онъ невольно перемѣщаетъ народности. Достоевскій оказывается египтяниномъ. Въ Египтѣ воскресаютъ черты, намъ близкія. Тутъ Розановъ подлинно гениаленъ. Тутъ имя его останется въ вѣкахъ.

Когда же онъ кстати и некстати притаскиваетъ крылатыя видѣнія Іезекіиля къ современнымъ темамъ, горячіе уголья его творчества покрываются сѣрымъ налетомъ фельетоннаго пепла. „Эт о п и с а т ь у с т а л ы й Р о з а н о в ъ“, хочется сказать, пробѣгая фельетонъ „Н о в а г о В р е м е н и“. Розановъ, это—зоркая рысь, пронизывающая мракъ лѣсныхъ лабиринтовъ. Еще издалека узнаешь о его приближеніи, когда въ лѣсномъ одиночествѣ засверкаютъ огоньки зоркихъ глазъ. Розановъ-фельетонистъ, это—рысь, посаженная въ клѣтку. Лихорадочно мечется она взадъ и впередъ, возбуждая жалость. И вдругъ оскалится. Тогда станетъ жутко.

Розановъ, хватаясь за любую неинтересную тему, незамѣтно свертываетъ въ излюбленную сторону. Тогда онъ бережно прибираетъ свою тему: тутъ вставитъ совершенно безцвѣтное письмо какого-то священника, наставитъ восклицательныхъ знаковъ, снабдитъ сверкающимъ примѣчаніемъ, и вдругъ отъ совершенно обыденныхъ словъ протянутся всюду указательные пальцы въ одну точку; тутъ спрячется самъ и точно нѣжной акварелью пройдетъ, изобразивъ бесѣду живыхъ лицъ, натравитъ ихъ другъ на друга, запутаетъ; и потомъ вдругъ выскочитъ изъ засады, подмигнуетъ: „Видите господа: я правъ!“...

„Около церковныхъ стѣнъ“—собраніе статей и замѣтокъ, написанныхъ не на главные темы Розанова. Здѣсь нѣтъ огня, оплешувшаго насъ изъ книги „Въ мірѣ неяснаго и неразрѣшеннаго“, ни красоты статей, напечатанныхъ въ „Мірѣ Искусства“, ни внушительности „Семейнаго вопроса“. „Усталый Розановъ на досугѣ занимается ручными работами“—хочется сказать, прочитавъ его новую книгу. То передъ нами изящно выточенная, деревянная лошадка, то алая бархатная прошивка по золоту. „Около церковныхъ стѣнъ“—музей ручныхъ издѣлій. „Федосѣевцы въ Ригѣ“, „Интересныя книги, интересное время“, и

„Миссіонерство и миссіонеры“—подлинныя перлы вышиванья. Такъ бы и положить въ гостиню на столъ. Только гдѣ у насъ гостиныя, которыя стоило бы украшать такими изящными издѣльями? Вѣдь всѣ эти издѣлья—въ какомъ-то небывало русскомъ стилѣ, пока еще нечего съ ними дѣлать. Прочитаешь—скажешь: глубоко, занимательно. И отложишь, принимаясь за кругъ обычныхъ дѣлъ.

И вдругъ испугаешься при мысли, что, быть можетъ, оттого-то и нечего дѣлать съ этими безконечно-тонкими узорами и разводами, что они относятся не къ тому, что будетъ, а къ тому, что могло бы быть, да не случилось. Неужели въ такомъ случаѣ интересъ къ нимъ—антикварный интересъ?

Дай Богъ, чтобы это не было такъ.

Имена Волынскаго, Розанова, Мережковскаго, Минскаго — дорогія имена, незабвенныя. Это наши учителя. Въ нихъ находили мы отклики на все то, что волновало насъ въ дни нашей юности.

Были дни, когда для цѣлаго поколѣнія слетѣла съ глазъ пелена. Обозначилось явственнѣй окружающее. Но способы обозначенія измѣнились. Эта разность въ способахъ обозначенія отдѣлила тѣхъ, кто считалъ себя проснувшимся, отъ интеллигентнаго большинства.

И только потомъ стали понимать отдѣленные, что углубленіе въ Достоевскаго не мало способствовало къ созданію новыхъ цѣнностей а то, что углубляло Достоевскаго, — заря небывалаго религіознаго возрожденія.

Потребовалась углубленная оцѣнка Достоевскаго, и вотъ что-то затеплилось въ статьяхъ Волынскаго, брилліантами искръ разсыпалось въ творчествѣ Розанова, заревомъ яркимъ и дымнымъ встало у Мережковскаго. Такъ создавалась религіозно-эстетическая критика. Мы въ нее увѣровали. Многаго ждали отъ нея. Думали мы — загорится пожаръ небывалый. Если и влагали столько надеждъ въ просто критическія статьи, хотя бы и геніальныя, то только потому, что мы ждали новыхъ временъ. Новыя времена не принесли новостей.

Волынскій не развернулся. Такъ и остался теплымъ — теплящимся, хотя теплота его пролилась на читателей объемистыми томами. Мережковскій ударилъ по нервамъ, сказавъ вдругъ голосомъ громкимъ на всю Россію: „Покайтесь, приблизилось Царствіе Небесное. Покайтесь и веселитесь веселіемъ вѣчнымъ, ибо Женихъ идетъ“.

Мережковскій ударилъ въ набатъ, но когда бросились къ нему, вдругъ закрылся религіозно-общественными схемами.

Мы преклонились предъ будущимъ. Но теперь, когда будущее запоздало, мы требуемъ гарантій, во имя чего должны мы отречься

отъ чистаго искусства, науки и теоріи познанія? Во имя чего міръ прекрасныхъ формъ, мысли и знаній должны мы предавать наступленному безумію. Кромѣ того: религіозные методы нашихъ учителей, преломленные въ душахъ нашихъ, я бы сказалъ, утончились. Многое мы видимъ болѣе сложнымъ, нежели наши учителя. На вопросы, ими поставленные, мы теперь смотримъ трезвѣй, и сомнѣваемся чтобы пути, ими указанные, были единственными путями.

Мы не скептики. Но нѣтъ въ насъ назойливаго желанія личную психологію навязывать многообразной дѣйствительности. Не отказываясь отъ религіи, мы призываемъ съ пути безумій къ холодной ясности искусства, къ гистологіи науки, къ серьезной, какъ музыка Баха, строгости теоріи познанія.

Мы опять въ горахъ. На перевалѣ къ лучшему будущему насъ встрѣчаютъ туманы. Мы опять одни.

Голосамъ нашихъ учителей не разсѣять тучи сомнѣній, насъ опоясавшихъ. Мы принимаемъ эти сомнѣнія, не спасаясь въ безуміе. Мы будемъ бороться холодомъ съ холодомъ. Къ тому обязываетъ насъ благородство.

Борисъ Бугаевъ.

В Ъ Х И.

п. Исканія новой сцены. *

Въ Москвѣ сдѣланы были двѣ попытки создать новый театръ, театръ „новаго искусства“.

К. С. Станиславскій, одинъ изъ руководителей Московскаго Художественнаго театра, вмѣстѣ съ Вс. Э. Мейерхольдомъ, бывшимъ артистомъ этого театра, образовали новое предпріятіе, получившее имя „Театра Студіи“. Дѣло было задумано широко; было снято прекрасное зданіе, собрана труппа, привлечены къ участию талантливые художники, приглашены дѣльные и опытные помощники. Нѣсколько пьесъ было срететировано и совершенно приготовлено къ представленію. Обстоятельства времени заставили учредителей закрыть Театръ, не давъ ни одного представленія.

Я былъ среди немногихъ, кому посчастливилось видѣть въ „Студіи“ генеральную репетицію „Смерти Тентажиля“ Мэтерлинка. Въ общемъ, то былъ одинъ изъ интереснѣйшихъ спектаклей, какіе я видѣлъ въ жизни, но все же я вынесъ убѣжденіе, что устроители не понимали сами, чего они искали.

Во многихъ отношеніяхъ сдѣланы были попытки порвать съ реализмомъ современной сцены и смѣло принять условность, какъ принципъ театральнаго искусства. Въ движеніяхъ было больше пластики, чѣмъ подражанія дѣйствительности; нныя группы казались помпейскими фресками, воспроизведенными въ живой картинѣ. Декораціи, мастерски написанныя (лучше сказать созданныя) г. Судейкинымъ и г. Салуновымъ, нисколько не считались съ условіями реальности: комнаты были безъ потолка, колонны замка обвиты какими-то лианами и т. д. Діалогъ звучалъ все время на фонѣ музыки (написанной г. Сацомъ), вовлекавшей души слушателей въ міръ мэтерлинковской драмы.

Но съ другой стороны властно давала себя знать привычка къ традиціямъ сцены, многолѣтняя выучка Художественнаго театра.

* См. „Вѣсы“ 1905 г. № 11.

Артисты, изучившіе условные жесты, о которыхъ грезили прерафаэлиты, — въ интонаціяхъ по прежнему стремились къ реальной правдивости разговора, старались голосомъ передать страсть и волненіе, какъ они выражаются въ жизни. Декоративная обстановка была условна, но въ подробностяхъ рѣзко реалистична. Комнаты безъ потолка были просто комнатами въ разрушенномъ зданіи; ліаны, окутавшія колонны въ подземелии, казались настоящими ліанами. Тамъ, гдѣ кончалась выучка режиссера, начиналась обыкновенная актерская игра, и тотчасъ было видно, что играютъ плохіе актеры, безъ истинной школы и безо всякаго темперамента.

И хотѣлось сказать устроителямъ Театра: дайте мнѣ или то, или другое — или реалистическую сцену, или сцену условностей. Островъ, гдѣ происходитъ дѣйствіе „Смерти Тентажиля“, еще не открытъ путешественниками, но это земной островъ. Мы не знаемъ, къ какому народу принадлежали дѣйствующія лица, на какомъ языкѣ они говорили, — но это люди. И страсти ихъ — человѣческія страсти, въ той или другой мѣрѣ знакомыя всѣмъ намъ. Драмы Метерлинка можно воплотить въ условія дѣйствительности. Но тогда мы, зрители, строго взыщемъ за всѣ промахи противъ жизненной правды: мы спросимъ, какъ живутъ эти люди безъ потолка, мы спросимъ, почему въ подземельи вмѣсто плѣсени выросли ліаны, спросимъ, зачѣмъ актеры принимаютъ позы, не виданныя нами никогда въ жизни и т. д. Хотите воспроизвести дѣйствительность? — то берегитесь. Мы потребуемъ, чтобы все было, какъ въ жизни, и чѣмъ вѣрнѣе будутъ воспроизведены сотни деталей, тѣмъ строже мы спросимъ, тѣмъ рѣзче почувствуемъ неправду сто-первой.

Если же вы признаете реализмъ на сценѣ недостижимой мечтой, если вы согласны, что сцена можетъ дать только условное, — смѣло идите до послѣднихъ выводовъ. Тогда не нужны декорации — картины, съ точностью изображающія стѣны замковъ, скалы, деревья, облака, луну. Тогда не нужно передразнивать голосомъ тѣ интонаціи, которыя слышишь въ повседневности. Не нужны всѣ поддѣлки подъ дѣйствительность, подъ солнечный или лунный свѣтъ, подъ гулъ моря и свистъ вѣтра, подъ пѣніе птицъ и т. д. Вмѣсто декораций съ разными кулисами достаточно будетъ поставить красочный фонъ, соответствующій дѣйствию драмы, но нисколько не иллюстрирующій ее. Движенія, жесты и рѣчь артистовъ должны быть стилизованы, должны стремиться не къ подражанію тому, какъ бываетъ „на самомъ дѣлѣ“, а къ той степени выразительности, какой въ жизни не бываетъ. Вѣдь достигаетъ же слово высшей выразительности въ стихѣ, между тѣмъ какъ стихами люди не объясняются другъ съ другомъ, даже въ минуты величайшаго возбужденія. Дайте намъ въ Театрѣ художественную условность, и очень быстро все наше

вниманіе обратится къ тому, что составляетъ сущность всякаго сценическаго представленія: къ идеѣ исполняемой драмы.

Театръ „Студія“ не посмѣлъ окончательно порвать съ традиціями; онъ сдѣлалъ нерѣшительный шагъ впередъ, но еще не сошелъ съ прежнихъ позицій. Но онъ показалъ для всѣхъ, ознакомившихся съ нимъ, что пересоздать театра на прежнемъ фундаментѣ нельзя. Или надо продолжить зданіе Антуанъ - Станиславскаго театра, или начинать съ основанія.

Въ январѣ 1906 г. въ Москвѣ была сдѣлана другая попытка создать „новый театр“. Нѣкто г. Вашкевичъ далъ, въ залѣ Литературно-Художественнаго театра, первое представленіе „Театра Діониса“. Исполнена была, при полномъ зрительномъ залѣ, драма К. Бальмонта „Три расцвѣта“. *

Если приходилось жалѣть, что устроители „Студіи“ не отдавали себѣ отчета, къ чему они стремились, то, напротивъ, надо радоваться, что г. Вашкевичъ не сумѣлъ осуществить того, къ чему порывался онъ. Въ своей брошюркѣ о „діонисовомъ дѣйствѣ“ ** онъ проповѣдывалъ „сліяніе искусствъ“ требовалъ, чтобы въ театральную технику были введены „звуковые фоны“, „красочная темнота“, „вуалированіе сцены“, „осязательныя впечатлѣнія“ для зрителей, чтобы зрители, надѣвъ вѣнки, стали не зрителями, а „молящимися этой мистеріей“ и т. д. Но по счастью на спектаклѣ изъ этихъ сграшныхъ угрозъ ничего осуществлено не было.

Вмѣсто „звуковыхъ фондовъ“ была музыка за сценой, вмѣсто „красочной сцены“ — освѣщеніе сцены краснымъ фонаремъ, вмѣсто „вуалированія сцены“ — за рампой была повѣшена (увы! съ некрасивыми складками) тонкая кисея. Все это практиковалось и до г. Вашкевича, даже на сценахъ императорскихъ театровъ. „Осязательныхъ“ впечатлѣній зрителямъ никакихъ не предоставляли; вѣнковъ на нихъ не надѣвали, а раздавали имъ при входѣ цвѣты; и менѣе всего можно было признать ихъ молящимися; потому что господствующее настроеніе въ залѣ было насмѣшливое. Играли просто плохо; безъ особыхъ ухищреній, а тѣмъ болѣе нововведеній въ игрѣ. Играли иные какъ любители иные какъ провинціальныя трагикки плохо произнося, неумѣло двигаясь по сценѣ, дѣлая некрасивыя жесты.

Почему спектакль былъ названъ „Театромъ Діониса“, — осталось непонятно. Драма Бальмонта — красивыя лирическія сцены, увлекательныя діалоги о любви, — никакихъ новшествъ для постановки ея на сцену не требовала. Надо было просто хорошо, вдумчиво про-

* Напечатана въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ Ассирійскихъ“ Мск. 1905. К-во „Скорпионъ“.

** Рецензію на нее см. „Вѣсы“ 1905 г. № 9—10.

честь слова драмы, сыграть ее безъ реторики и безъ манерничанья. Артисты подъ управленіемъ г. Вашкевича играли плохо — и право не о чемъ было бы говорить, если бъ не претенціозная вывѣска съ именемъ бога Діониса.

Газеты приносятъ вѣсти о третьей попыткѣ создать „новый театр“, на этотъ разъ въ Петербургѣ.

Будемъ надѣяться, что его основатели поймутъ необходимость не нововведеній, а коренного преобразованія. Театръ долженъ отказаться ото всѣхъ своихъ вѣковыхъ традицій, сложившихся за время отъ Шекспира до Ибсена. Какъ новымъ художникамъ приходилось черпать въ эпохѣ до-Рафаэлевской, такъ режиссерамъ новаго театра можно искать указаній только въ до-Шекспировскихъ временахъ. Не усложнять сценическую технику, а упростить ее, не усовершенствовать поддѣлку, а дать нѣчто истинное, хотя бы и условное, сознать, что с и м во л и з мъ, единственный принципъ всѣхъ искусствъ, — вотъ путь къ „новому“ въ театрѣ.

Конецъ XIX вѣка ознаменованъ великимъ преобразованіемъ всѣхъ отраслей искусства. Поэзія, живопись, музыка возродились въ новыхъ формахъ, расширили свои владѣнія, увеличили свою власть. Сценическое искусство отстало отъ нихъ, и драмы поэтовъ „новаго искусства“ исполнялись до сихъ поръ на старыхъ сценахъ, по устарѣлымъ приѣмамъ*. Театръ отсталъ отъ вѣка, современный театръ не удовлетворяетъ насъ, мы болѣе не хотимъ признавать его истиннымъ искусствомъ. Вотъ почему такъ охотно вѣрится во всѣ попытки преобразовать театръ.

Серьезнымъ препятствіемъ однако является необходимость ввѣрять исполненіе драмы артистамъ. Какъ бы ни былъ гениаленъ режиссеръ, онъ никогда не будетъ въ состояніи влить въ душу актеровъ того, чего нѣтъ въ нихъ. Чтобы найти тонъ, какъ произнести инныя слова, надо пережить тѣ чувства, которыя ихъ вызываютъ. Чтобы понять діалогъ Метерлинка, надо быть причастнымъ тѣмъ настроеніямъ, которыя вѣютъ надъ его драмами. Актеръ, самый безталантный, понимаетъ ревность Отелло, понимаетъ судьбу Лира, но многимъ еще чуждъ ужасъ Тентажиля и невразумительны проповѣди Аглаваны. Новый театръ создастся лишь тогда, когда возможно будетъ собрать артистовъ съ душами „новыхъ“ людей. И какъ понятно, что не найдя ихъ, Метерлинкъ предпочелъ писать „пьесы для театра маріонетокъ“!

А в р е л і й.

* Я говорю вообще, но конечно отдѣльныя попытки дѣлались, какъ во Франціи (Синте, театры на открытыхъ сценахъ, театръ д'Альгеймъ и т. д.), такъ и въ Германіи.

О КНИГАХЪ.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ. Фейныя сказки. Дѣтскія пѣсенки. Книгоиздательство „Грифъ“. Москва. 1905. Ц. 80 к.

Въ длинномъ списокѣ книгъ, которыя за послѣдніе годы К. Бальмонтъ такъ часто (не слишкомъ ли часто?) вѣнчаетъ своимъ именемъ,—„Фейныя сказки“ будутъ отмѣчены золотыми буквами. Въ этихъ „дѣтскихъ пѣсенкахъ“ нѣтъ напряженнаго тона вымученныхъ стихійныхъ гимновъ, нѣтъ безсильных, ненужныхъ переложений въ стихи ведійскихъ, теософскихъ и иныхъ заповѣдей, почти нѣтъ и перепѣвовъ, въ которыхъ Бальмонтъ—увы! уже нерѣдко—только повторяетъ свои прежнія, счастливыя изданія. Въ своей новой книгѣ, отрекшись отъ претензій, которыя его поэзія выполнить не въ силахъ, Бальмонтъ позволилъ себѣ снова быть самимъ собой,—

..снова быть кроткимъ и нѣжнымъ,
Быть снова ребенкомъ, хотя бы въ другомъ...

„Кто равенъ мнѣ въ моей пѣвучей силѣ?“ спрашиваетъ гдѣ-то Бальмонтъ. „Фейныя сказки“ доказываютъ, что онъ—въ полномъ обладаніи своей пѣвучей силой. Родникъ его творчества снова бьетъ здѣсь струей ясной, хрустальной, напѣвной. Въ „Фейныхъ сказкахъ“ ожило все, что есть самаго цѣннаго въ поэзіи Бальмонта, что дано ей какъ небесный даръ, въ чемъ ея лучшая вѣчная слава. Это пѣсни нѣжныя, воздушныя, сами создающія свою музыку. Это—легкое, прозрачное паутинное кружево, сквозь которое просвѣчивается тонкая шея дѣвушки. Это серебряный звонъ задумчивыхъ колокольчиковъ, „узкодонныхъ, разноцвѣтныхъ на тычинкѣ подъ окномъ“. Это утреннія, радостныя пѣсни, спѣтыя увѣреннымъ голосомъ въ ясный полдень. По своему построению „Фейныя сказки“—одна изъ самыхъ цѣльныхъ книгъ Бальмонта. Ея первая часть мо-

жетъ соперничать въ этомъ отношеніи съ такимъ образомъ цѣльности, какъ „Fêtes Galantes“ Верлена. Здѣсь созданъ—теперь навѣки знакомый намъ—міръ феи, гдѣ безсмертной жизнью живутъ ея спутники, друзья и враги: стрекозы, жуки, свѣтляки, тригоны, муравьи, улитки, ромашки, кашки, лилеи... И только третья часть книги, нѣсколько измѣненнымъ тономъ, вноситъ иногда диссонансы въ эту лирическую поѣму о сказочномъ царствѣ, доступномъ лишь ребенку и поэту.

Валерій Брюсовъ.

СЕРГѢЙ РАФАЛОВИЧЪ. Свѣтлыя пѣсни. Изданіе „Содружества“. Спб. 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.

Въ одномъ стихотвореніи авторъ говоритъ о себѣ: „Я жажду безконечнаго... страданій необъемлемыхъ, скорбей неизживаемыхъ“... Эти модныя желанія не очень къ лицу его музѣ, трезвой, умѣренной и разсудительной. О поэзіи г. Рафаловича можно сказать его собственнымъ стихомъ: „Тамъ разумъ входы стережетъ“. Въ ней нѣтъ порыва, нѣтъ прозрѣній, къ ней всего менѣе подходили бы слова Фета о „дарѣ безумныхъ пѣсень“. Объективное творчество вездѣ болѣе удается автору, чѣмъ чистая лирика. Лучшія вещи въ книгѣ тѣ, гдѣ самъ поэтъ исчезаетъ за образами, заставляетъ говорить за себя свои созданія: такова баллада о „Лигеѣ“, сонеты о Евѣ и о Терезіи, стильная пьеса „XVIII вѣкъ“, „Два друга“ и т. п. Въ философскихъ раздумьяхъ, объединенныхъ въ лирическую поѣму „Душа и міръ“, есть интересныя мысли, но они остались бы ровно столь же интересными, будь изложены прозой. Съ внѣшней стороны стихи г. Рафаловича, за рѣдкими исключениями, незвучны и однообразны: одинъ и тотъ же размѣръ (чуть не половина всѣхъ стихотвореній написаны хорейскими четверостишіями), одни и тѣ же приемы, сходные образы—повторяются на многихъ страницахъ. Есть погрѣшности языка, если только это не *licentia poetica*, въ такомъ случаѣ неудачныя.

Валерій Брюсовъ.

FRIDOLIN WERM. Pâques fleuries et Poèmes. Messein, éd. Paris 1905.

Вниманіе останавливаетъ прежде всего, хотя и выраженное такъ прозаически, одно утвержденіе автора: „Вмѣсто того чтобы отвергать, постараемся быть болѣе строгими“, говоритъ онъ о языкѣ и о формѣ. Онъ правъ по отношенію къ тѣмъ ново-пришедшимъ, которымъ приемъ „верлибризма“ позволилъ писать будто бы „стихи“, при отсутствіи всякаго чутья, всякаго пониманія ритма, при безнадежной банальности идей, невозможныхъ въ прозѣ. „Намъ нужна новая

мысль“, говорить далѣе поэтъ. Если эти слова—искреннія, если это зрѣлое убѣжденіе—хотѣлось бы, чтобы онъ созналъ требованіе этой „новой мысли“, какъ необходимость для поэта выразить жизнь и ея всемірныя единства, согласно съ современной наукой. Именно изъ глубины научнаго міропониманія должна выразаться въ новыхъ безсмертныхъ пѣсняхъ новая метафизика: новая догматика и новая этика, и новая сознательность, которыя будутъ властвовать надъ человѣчествомъ какъ новая священная ступень на вѣчной лѣстницѣ мірового развитія.

Un parcours progressif dans l'amour concerté,
Comme un transfert rythmé, comme une symphonie
Emportant tout, peut-être, à l'étape infinie...

Мы сказали, что г. Вермъ правъ по отношенію къ тѣмъ, кто принялъ необходимыя исканія новыхъ ритмовъ всѣхъ новѣйшихъ поэтическихъ школъ за освобожденіе отъ всякихъ правилъ, за дозволеніе всякихъ *licentia poetica*, за призывъ къ произволу; но онъ не правъ по отношенію къ другимъ. Онъ самъ уничтожаетъ свое требованіе „новой поэтической мысли“, не признавая, не чувствуя необходимости „новой выразительности“, „новаго поэтическаго языка“—того, что принесли намъ различныя „символическія“ школы поэзіи. Если же г. Вермъ отмѣтитъ, что символизмъ не далъ „новой мысли“ и слѣдовательно не возродилъ поэзіи,—онъ окажется въ противорѣчьи съ той доктриной, которую самъ защищаетъ: съ той доктриной, которая научно обосновала поэтическое вдохновеніе и возвысила его до философскихъ прозрѣній, но которая въ то же время требовала соответственной техники. Новая концепція міра не можетъ не создать новаго поэтическаго языка, адекватнаго ей и новаго, исключительнаго, но глубоко логическаго пониманія ритма. Идея, въ своемъ развитіи, ища выродиться, создаетъ свой собственный, вѣчно развивающійся ритмъ, который мы сознаемъ, какъ выявленную во внѣ эмоцію. Ритмъ причастенъ и Мысли и Слову, которыя отъ вѣка нераздѣльны: ибо словесное выраженіе по своему происхожденію, одновременно и бессознательная дѣятельность, и подражаніе (фонетическое, графическое и красочное), и чувствованіе, и мышленіе...

Я напоминаю эти основныя истины только затѣмъ, чтобы указать на ошибку г. Верма, когда онъ наивно предполагаетъ, что „стихъ есть слѣпокъ съ идеи“. Мысли и философскія воззрѣнія самого г. Верма безспорно серьезны и интересны, его вдохновеніе порывается къ широкимъ обобщеніямъ. Но такъ какъ техника его стиховъ безсильна и нелогична, онъ часто даетъ намъ вмѣсто созданий, кото-

рыя увлекали бы магіей поэтическаго внушенія, — дидактическія поэмы и страницы реторики. И, кажется, онъ самъ понимаетъ это говоря:

Le front penché, fiévreux,—craignant, doutant,
Il le sentait, ce non-rendu latent,
Et sa victoire était une tristesse.

René Ghil.

ΡΩΣΣΙΚΑ ΛΙΝΓΓΜΑΤΑ Т. В. Μεταφρ. ἐπὶ Π. Λεφα. Βιβλ. Μαρασλῆ. *Αθήραι* 1906.

Въ серіи общедоступныхъ изданій—„Библиотека Маразли“—выпущенъ недавно въ Афинахъ второй сборникъ * „Русскихъ Разказовъ“, въ переводѣ на греческій П. С. Лефа, содержащій произведенія: Гоголя (Старосвѣтскіе помѣщики, Шинель, Повѣсть о томъ какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, Записки сумасшедшаго), Лермонтова (Тамань, Ашикъ-Керибъ, Фаталистъ, Три Пальмы—въ стихахъ), Тургенева (Муму, Стукъ... стукъ... стукъ..., Стихотворенья въ прозѣ), Лѣскова (Жемчужное ожерелье, Импровизаторы). Судя по предисловію, переводчикъ руководился стремленіемъ дать возможность читателямъ болѣе или менѣе подробно ознакомиться съ каждымъ изъ писателей, впрочемъ достаточно уже извѣстныхъ греческой публикѣ. Но думается, не совсѣмъ удаченъ выборъ произведеній, далеко не являющихся характерными и значительными для cadaго изъ приведенныхъ авторовъ. Да и въ выборѣ самихъ авторовъ—крупный промахъ: такой исполнѣ русской литературы какъ Достоевскій не представленъ вовсе, а вмѣсто него почему-то выбранъ Лѣсковъ, писатель во всякомъ случаѣ—второстепенный. Что-же касается самого перевода, то онъ обладаетъ обычными достоинствами и страдаетъ обычнымъ недостаткомъ всѣхъ переводовъ П. С. Лефа. Вѣрный тексту, осмысленный, крайне добросовѣстный, онъ, въ то же время, никомъ образомъ не отвѣчаетъ основной цѣли книги—общедоступности. Написанная на мертвомъ, искусственномъ „очищенномъ“ языкѣ (безжизненномъ суррогатѣ древнегреческаго), употребленіе котораго въ литературѣ, по крайней мѣрѣ, въ Греціи всѣми теперь признается анахронизмомъ—книга врядъ ли удобочитаема для широкихъ круговъ населенія. Впрочемъ, какъ ни старался г. Лефа облечь живые образы въ мертвые, искусственныя формы—задача мѣстами оказалась ему не по силамъ, и волей-неволей, пришлось прибѣгнуть къ столь презираемому имъ живому, „народному“ языку, дѣйствительному языку современныхъ грековъ. Но и тутъ (напр. въ „Ссорѣ Ив. Ив. съ Ив. Ник.“, „Запискахъ Сумасшедшаго“, „Трехъ Пальмахъ“)

* О первомъ сборникѣ см. «Вѣсы» 1904, № 3.

онъ все-же не могъ удержаться отъ попытки „облагородить“ разговорную обыденную рѣчь, облакая ее въ псевдо-аттическія формы и обороты. И гдѣ читателю подъ вѣсѣмъ этимъ археологическимъ хламомъ узнать хотя бы простыя, искреннія „поэмы въ прозѣ“ Тургенева! Особенно для того, кто читалъ прекрасные переводы тѣхъ же поэмъ А. Константиныди, или переводы „Записокъ охотника“, печатающихся отъ времени до времени въ „Нумасъ“...

Изданная прекрасно, книга снабжена портретами авторовъ и весьма обстоятельными критико-біографическими очерками, составленными П. С. Лефа. Всѣ произведенія, за исключеніемъ „Стихотвореній въ прозѣ“ Тургенева, насколько намъ извѣстно, переводятся на греческій языкъ впервые.

М. Ликардопуло.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССИИ. Томъ I. Декабристы: М. фонъ-Визинъ, кн. Е. Оболенскій и бар. В. Штейнгель. Статьи и матеріалы. Составили В. Семеvскій, Богучарскій и П. Щеголевъ. Съ 3 геліографюрами. К-во М. Пирожкова. Спб. 1905 г. Ц. 5 р.

ДЕКАБРИСТЫ. ТАЙНЫЯ ОБЩЕСТВА ВЪ РОССИИ. Слѣдствіе. Судъ. Приговоръ. Амнистія. Официальные документы. Изд. В. Саблина. М. 1906. Ц. 1 р.

ДЕКАБРИСТЫ ВЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. Историческій очеркъ. По официальнымъ документамъ сост. А. Дмитриевъ - Мамоновъ. Съ 35 фото-типографюрами. Изд. И. Балашова. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

Изъ названныхъ книгъ дѣйствительно цѣннымъ вкладомъ въ литературу надо признать первую. Она содержитъ біографіи трехъ декабристовъ, фонъ-Визина, кн. Оболенскаго и бар. Штейнгеля, и избранныя ихъ произведенія. Біографіи составлены такими знатоками эпохи, какъ В. Семеvскій, В. Богучарскій и П. Щеголевъ. Это—три маленькіихъ монографіи, безспорно стоящія на высотѣ современныхъ требованій науки. Особенно много новаго, фактовъ и соображеній, даетъ біографія бар. Штейнгеля. Для этой біографіи, какъ и для обстоятельныхъ, составленныхъ г. Щеголевымъ, примѣчаній къ помѣщеннымъ далѣе „Запискамъ“ Штейнгеля, привлечено не мало новѣйшихъ данныхъ, частью изъ печатныхъ матеріаловъ (вплоть до историческихъ журналовъ 1905 г.), частью архивныхъ. Къ этимъ „Запискамъ“ Штейнгеля, кромѣ той части, которая раньше была напечатана въ „Ист. Вѣстникъ“ (1900 г.), присоединена еще 3-я часть, впервые появляющаяся въ печати и посвященная исключительно событіямъ 14 декабря. Изъ сочиненій кн. Оболенскаго напечатаны его „Воспоминанія“; фонъ-Визина—его „Обозрѣніе политической жизни въ Россіи“. Оба эти произведенія до сихъ поръ извѣстны были лишь по заграничнымъ изданіямъ.

Въ книгѣ, изданной В. Саблинымъ, нѣтъ не только имени редактора или предисловія, которое объяснило бы цѣль и составъ этого сборника, но даже и простого оглавленія. Читатель не знаетъ, что именно у него въ рукахъ. Въ книгѣ перепечатано извѣстное „Донесеніе слѣдственной комиссіи по дѣлу 14 декабря“, приговоръ верховнаго суда надъ декабристами, различные относящіяся сюда высочайшіе манифесты и „Донесеніе слѣдственнаго комитета“ о тайныхъ обществахъ въ Польшѣ. Всѣ эти матеріалы не разъ перепечатывались. Но, конечно, новое изданіе ихъ въ одной книгѣ нельзя признать лишнимъ. Хотѣлось бы только знать имя редактора, берущаго на себя отвѣтственность за полноту и вѣрность текста.

На книгѣ, составленной А. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, почему-то не означено, что это ея второе изданіе (первое появилось въ 1895 г.). Г. Дмитріевымъ-Мамоновымъ собраны матеріалы о декабристахъ въ архивахъ Тобольской и Томской губ. и Акмолинской области. Къ сожалѣнію онъ не напечаталъ ихъ въ подлинникахъ, а пересказалъ своими словами, что значительно уменьшаетъ научную цѣнность книги. Ктому же г. Дмитріевъ-Мамоновъ самъ пишетъ какимъ-то архаическимъ, казеннымъ языкомъ, такъ что не всегда понятно, гдѣ кончается изложеніе официальнаго документа и начинаются собственныя разсужденія автора. „35 фото-типогравюръ“ не болѣе какъ 35 плохонькихъ и довольно случайно подобранныхъ цинкографій.

Гармодій.

ГРАФЪ ДЕ ЛА-БАРТЬ. Шатобрианъ и поэтика міровой скорби во Франціи. Кіевъ, 1905.

Авторъ—ученикъ академика Веселовскаго, этого единственнаго у насъ въ Россіи истиннаго представителя науки въ области исторіи литературы, гдѣ подчасъ пользуются такимъ авторитетомъ всевозможные „катедеръ-журналисты“, въ родѣ Брандеса. Графъ де ла-Барть уже составилъ себѣ нѣкоторую извѣстность своими работами: напр., прекраснымъ переводомъ „Пѣсни о Роландѣ“; новая книга закрѣпляетъ за нимъ право на общественное вниманіе. Въ ней онъ выказываетъ себя тонкимъ и проницательнымъ изслѣдователемъ, вполне усвоившимъ себѣ методъ своего учителя и широкій взглядъ его на задачи литературной исторіи, какъ науки. Принципіальный вопросъ, которымъ задается авторъ въ своемъ изслѣдованіи, есть вопросъ о границахъ между литературной традиціей и личнымъ творчествомъ; разрѣшить этотъ въ высшей степени сложный и запутанный вопросъ въ монографіи, посвященной отдѣльному писателю, конечно, невозможно, и эту невозможность самъ изслѣдователь признаетъ сполна; онъ видитъ свою задачу въ томъ, чтобы путемъ изученія

одного писателя, въ данномъ случаѣ Шатобріана, подготовить матеріалы для рѣшенія этого кардинальнаго вопроса науки. Выборъ Шатобріана для этой цѣли былъ очень удаченъ, потому что авторъ „Рене“ стоитъ на грани двухъ эпохъ, съ него начинается великій переломъ, обновившій французскую литературу. Исходя изъ той справедливой мысли, что „литературное воспитаніе писателя всегда ретроспективно въ томъ смыслѣ, что всѣ мы воспитаны на поэтахъ и романистахъ предшествовавшихъ эпохъ, которые даютъ намъ готовый поэтической словарь, цѣлый рядъ образовъ, формъ и выраженій, множество готовыхъ литературныхъ формулъ“,—авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ изученія той литературной атмосферы, среди которой развивался гений Шатобріана. Эта часть работы наиболѣе удалась изслѣдователю: въ ней мы встрѣчаемъ массу интересныхъ наблюденій и параллелей, показывающихъ, какъ задолго до Шатобріана складывалось то настроеніе, выразителемъ котораго онъ явился впоследствии, какъ слагался тотъ новый языкъ, съ новыми оборотами и образами, которыми онъ пользовался впоследствии съ такимъ мастерствомъ; очень интересны въ этомъ отношеніи замѣчанія автора о поэтическомъ словарѣ писателей-сентименталистовъ, объ ихъ излюбленныхъ эпитетахъ, метафорахъ и о всевозможныхъ литературныхъ клише, въ которыхъ отразился духъ и вкусы эпохи (стр. 110). Менѣе удалась ему вторая половина задачи: опредѣленіе того, что въ творчествѣ Шатобріана принадлежитъ его личному почину. Вообще психологическая часть изслѣдованія представляетъ значительныя неясности, что сказывается, напр., въ параллели между Шатобріаномъ и Наполеономъ (стр. 171 сс.). Интересна, между прочимъ, попытка автора разрушить „Шатобріановскую легенду“, заключающуюся въ отождествленіи его съ Рене; созданію этой легенды много способствовалъ самъ Шатобріанъ своими „Замогильными записками“; рядомъ остроумныхъ соображеній авторъ доказываетъ, что мы должны съ большою осторожностью относиться къ этимъ автобіографическимъ документамъ, въ которыхъ заключается болѣе Dichtung, чѣмъ Wahrheit.

В. С.

И. А. КРЫЛОВЪ. Полное собраніе сочиненій. Редакція вступительныя статьи и примѣчанія В. В. Каллаша. Томы II—IV.

О выходѣ въ свѣтъ перваго тома настоящаго изданія мы уже сообщали на страницахъ журнала („Вѣсы“, 1904, № 6). Съ выходомъ четвертаго тома изданіе теперь закончено. Томы II и III заключаютъ въ себѣ сатирическія статьи Крылова изъ его журналовъ: „Почта духовъ“, „Зритель“ и „С.-Петербургскій Меркурій“. Редакторъ поступилъ вполне правильно, перепечатавъ „Почту духовъ“ цѣликомъ, несмотря на то, что въ ней, кромѣ Крылова, принимали участіе и

другіе писатели (Радищевъ, Рахманиновъ). Окончательное рѣшеніе вопроса, кому именно изъ нихъ принадлежали отдѣльныя статьи, возможно будетъ лишь послѣ детальнаго изученія языка, стиля и манеры творчества каждаго автора. Въ видѣ предположенія, впрочемъ весьма правдоподобнаго, г. Каллашъ высказываетъ мысль, что подъ псевдонимомъ Астарота и Дальновида скрывается Радищевъ: подписанныя этими именами статьи, дѣйствительно, по своему содержанію и по литературной манерѣ близко напоминаютъ произведенія знаменитаго публициста. Четвертый томъ занятъ стихотвореніями Крылова и его баснями. Въ примѣчаніяхъ редакторъ даетъ много интересныхъ разнотченій, показывающихъ ходъ творческой работы Крылова. Кромѣ того г. Каллашу удалось среди черновыхъ рукописей отыскать нѣсколько неоконченныхъ набросковъ басенъ, приведенныхъ въ приложеніи: „Несбывшіеся творческіе замыслы Крылова“.

В. С.

ДЖОРДЖЪ БЕРКЛИ. Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія, въ которомъ изслѣдуются главныя причины заблужденія и трудности наукъ, а также основанія скептицизма, атеизма и безвѣрія. По порученію Философскаго Общества при СПБ. университетѣ переведено Е. Θ. Дебольскою подъ редакцію Н. Г. Дебольскаго. Издательство О. Н. Поповой. СПБ. 1905. Стр. 183. Цѣна 40 коп.

„Трактатъ“ Беркли могъ бы быть первой философской книгой въ рукахъ новичка — преддверіемъ къ философіи. Ни одинъ авторъ съ такой ясностью и прямою какъ Беркли не подступалъ къ рѣшенію основнаго философскаго вопроса о соотношеніи между бытіемъ и мышленіемъ. Ни одинъ авторъ не давалъ столь яснаго, столь сжатаго, столь категорическаго и неопровержимаго отвѣта на этотъ кардинальный вопросъ. *Esse-percipi*: вотъ исчерпывающая формула Беркли, призванная быть прочтѣйшимъ основаніемъ философскихъ теорій. Тѣ, которые (какъ Кантъ) отступали отъ этой несомнѣнной оси всякаго умозрѣнія, впадали въ неизбѣжныя ошибки. И нѣтъ сомнѣнія, что со-временемъ мы услышимъ призывъ: „назадъ къ Беркли“ какъ къ исходной точкѣ. Тѣ параграфы „Трактата“, которые посвящены развитію основной мысли его, не оставляютъ желать ничего лучшаго въ смыслѣ ясности, убѣдительности и простоты изложенія. Однако, такимъ Беркли остается не вездѣ. Значительная часть сочиненія занята неинтересными для насъ возраженіями противъ отжившихъ и исчезнувшихъ взглядовъ, бесплодной и основанной на заблужденіяхъ полемикой противъ Ньютонова закона тяготѣнія и принциповъ дифференціальнаго исчисленія, наконецъ теоріей Беркли о множествѣ сознающихъ духовъ. Эта теорія въ сущ-

ности стоитъ въ противорѣчїи съ основнымъ Берклеевымъ возрѣніемъ. Будучи проводима послѣдовательно, система Беркли должна была бы приводить къ солипсизму, единственной дѣйствительно неопровержимой философской системѣ — настолько неопровержимой, что тѣмъ, кому она не по вкусу, приходится съ нею сражаться при помощи насмѣшки, какъ послѣдняго оружія. Такъ, Шопенгауеръ видѣлъ въ солипсизмѣ „маленькую пограничную крѣпость, которая хотя и неприступна, но гарнизонъ которой не можетъ сдѣлать вылазки, — которую поэтому можно безъ риска оставить въ тылу“. Г. Рикертъ, борясь съ солипсизмомъ, измѣняетъ своей обычной солидности и изъ ничего не доказывающихъ посылокъ спѣшитъ вывести заключеніе: „Итакъ солипсизмъ въ дѣйствительности — логическая цельность...“ (см. „Введеніе въ трансцендентальную философію“). Переводъ „Трактата“ не вызываетъ замѣчаній.

А. Бачинскій.

ПРОФ. С. НЬЮКОМЪ. Астрономія для всѣхъ. Перев. съ англ. съ пред. А. Р. Орбинскаго. Съ портретомъ автора, 64 рис. въ текстѣ и 1 отдѣльной таблицей. Книгоиздательство Mathesis. Одесса, 1905. Стр. XXIV+285. Цѣна 1 р. 50 к.

„Астрономія для всѣхъ“ Ньюкома (котораго у насъ привыкли неправильно называть Ньюкомбомъ) — очень хорошая элементарная книжка. Но многое здѣсь будетъ съ истиннымъ удовольствіемъ прочтено и человѣкомъ какой угодно степени развитія. Изложеніе автора чрезвычайно картинно и въ то же время сжато. Иныя трудныя для пониманія неподготовленнаго читателя вещи — напримѣръ вращеніе луны около оси, происхожденіе приливовъ — выясняются на протяженіи немногихъ строкъ. Авторъ широко пользуется примѣрами и аналогіями, взятыми изъ области обыденныхъ отношеній, не пренебрегаетъ и остроумнымъ анекдотомъ. Рисунки (изъ которыхъ многіе отличаются остроуміемъ композиціи) сильно содѣйствуютъ пониманію текста.

О приемахъ изложенія Ньюкома можно дать понятіе, цитируя нѣкоторыя изъ его заглавій: „Общій взглядъ на вселенную“ (описывается картина, которую видитъ воображаемый путникъ, прилетающій къ звѣздной вселенной и къ землѣ съ разстоянія въ сто тысячъ свѣтовыхъ лѣтъ); „Охота за астероидами“; „Какъ завѣшиваются планеты?“

Требованія научной строгости удовлетворены у Ньюкома въ полной мѣрѣ. Извѣстно, какъ много беспочвенныхъ фантазій развилось благодаря трудности рѣшенія многихъ вопросовъ, останавливающихъ вниманіе астронома. Даже настоящіе ученые астрономы

(напр., общезвѣстный Фламаріонъ) не остались безпричастны созданію чисто фантастическихъ построений. Эти построения проникли и въ популярно-научныя книжки. Ньюкомъ принципиально избѣгаетъ ихъ. Любопытно выписать нѣсколько строкъ изъ главы „Вѣроятная природа Марсовыхъ каналовъ“ (стр. 154): „Если глядѣть черезъ увеличительное стекло на портретъ, гравированный на стали точками, то будутъ видны только точки, расположенныя по прямымъ и кривымъ линіямъ. Но примите прочь увеличительное стекло и глазъ соединить эти точки въ ясно очерченное собраніе деталей, представляющее очертанія человѣческаго лица. Подобно тому какъ глазъ обращаетъ собраніе точекъ въ лицо, такъ же—можетъ быть—онъ обращаетъ мелкія точки на планетѣ Марсѣ въ длинные непрерывныя каналы“. Еще характернѣе мѣсто, относящееся къ вопросу объ обитателяхъ Марса: „Читатель долженъ извинить меня, что я ничего не буду говорить въ этой главѣ о возможныхъ обитателяхъ Марса. По этому предмету онъ знаетъ какъ разъ столько же сколько и я—именно ровно ничего“ (стр. 157). Очень осторожно (какъ и слѣдуетъ) относится Ньюкомъ къ небулярной гипотезѣ о происхожденіи солнечной системы (стр. 89).

При всѣхъ достоинствахъ книжки Ньюкома, ей можно сдѣлать и нѣкоторые упреки. Самый важный изъ нихъ—слѣдующій: въ отношеніи астрофизической стороны дѣла книжка эта сильно отстаетъ отъ современнаго развитія науки. Новыя и правдоподобныя теоріи о природѣ кометныхъ хвостовъ, о строеніи солнечной короны и т. п. едва затронуты здѣсь. — Едва ли можно согласиться съ фразой „міръ, въ которомъ не бываетъ погоды и въ которомъ никогда ничего не случается—вотъ что такое луна*“ (стр. 107). — Рисунокъ 14 мы считаемъ неудачнымъ. При взглядѣ на него должно казаться, что длина свѣтовой волны превышаетъ сантиметръ. Изъ погрѣшностей перевода можемъ отмѣтить только одну: на рис. 2 слово Pole (полюсъ) осталось непереведеннымъ.

Книжка снабжена подробнымъ и полезнымъ указателемъ. Внѣшность довольно изящна.

А. Б а ч и н с к і й.

INSEL-ALMANACH auf das Jahr 1906. Insel-Verlag, Leipzig. Numerierte Ausgabe auf Büttenpapier. Mk.—3.

Лейпцигское издательство *Insel-Verlag*, достаточно извѣстное своими безукоризненными по внѣшности изданіями лучшихъ нѣмецкихъ и другихъ поэтовъ и писателей, только-что выпустило, подъ видомъ альманаха на 1906 г., своего рода хрестоматію образцовъ и отрывковъ изданныхъ имъ авторовъ и книгъ. Отпечатанный—всего въ двухстахъ нумерованныхъ экземплярахъ—на роскошной бумагѣ, украшенный рисунками, виньетками, заставками извѣстныхъ нѣмец-

кихъ рисовальщиковъ,—нарядный томикъ, безъ сомнѣнія, займетъ должное мѣсто въ библиотекѣ всякаго, дорожащаго тщательно и съ любовью изданной книгой.

М. Л.—о.

ПОСЛѢДНЯЯ ИЗДАНИЯ К-ВА „СКОРПИОНЪ“.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Stephanos. Вѣнокъ. Стихи 1903 — 1905. Содержаніе: Вечеровыя пѣсни. — Правда вѣчная кумировъ. — Изъ ада изведенные. — Повседневность. — Современность. — Слава толпѣ. — Духи огня. — Конь блѣдъ. М. 1906 г. Ц. 2 р., для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 1 р. 70 к.

ЭДГАРЪ ПО. Собраніе сочиненій, въ переводѣ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Томъ II. Разказы, статьи, отрывки, афоризмы. М. 1906 г. Ц. 1 руб. 30 к., для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 1 руб. 10 к.

ЖАГАДИСЪ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1905 г. Ц. 65 к., для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 55 к.

СѢВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ АССИРІЙСКІЕ. Роскошное изданіе. Содержаніе: Три расцвѣта, драма К. Бальмонта. — Земля, сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова. — Танталь, античная трагедія Вяч. Иванова. — Стихи: Валерія Брюсова, Вяч. Иванова, С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба, Н. Минскаго и др. — Разказы: З. Гиппиусъ, Марка Криницкаго, Ѳ. Сологуба, Ю. Череды, М. Пантюхова, А. Маделунга, Л. Зиновьевой - Аннибалъ. Обложка, заглавные листы и виньетки по рисункамъ (въ три краски) Н. Теофилактова. М. 1905 г. Ц. 3 р.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ. Гоголь и чортъ. Исслѣдованіе. Обложка Н. Теофилактова. Ц. 2 руб., для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 1 р. 70 к. Поступить въ продажу въ февралѣ с. г.

СТ. ПШИВЫШЕВСКІЙ. Собраніе сочиненій. Томъ III. (Романъ „Дѣти Сатаны“ и др.). Поступить въ продажу въ февралѣ с. г.

ВЪ ЖУРНАЛАХЪ И ГАЗЕТАХЪ.

Конецъ „молодыхъ“.

Л. Джерольдъ, бывшій сотрудникъ прекратившейся „Revue Blanche“, говоритъ въ „Temple bar“ о концѣ „молодыхъ“ во Франціи, о концѣ той литературной школы, которая въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго вѣка вела свою побѣдоносную борьбу съ реалистическими школами въ искусствѣ. „Гибель послѣдняго изъ „молодыхъ“ журналовъ („Revue Blanche“), пишетъ г. Джерольдъ, завершаетъ цѣлую эпоху, — эпоху нелѣпую, плѣнительную, извращенную, наивную и плохо понятую. То было время безнадежной позы и блистательной аффектаціи, очаровывавшей простоты и прелестнаго ребячества, цинизма на мѣдные гроши и искренности — полноувѣсной золотой монетой! Милое время въ общемъ!... „Молодыхъ“ болѣе нѣтъ. Мистики сдѣлались антиклерикалами; трансценденталисты стали секретаремъ у политическаго дѣятеля, мѣтящаго въ министры, и станутъ скоро политическимъ дѣятелемъ, мѣтящимъ въ министры; отшельники литературной церкви опрокинули свою „Башню изъ слоновой кости“ и толкаются въ академическихъ салонахъ; прежній анархистъ — теперь націоналистъ, а бывшій вдохновенный проповѣдникъ „свободнаго стиха“ гранитъ асфальты бульваровъ и даетъ живописные фельетоны въ газеты... Длинные волосы обрѣзаны. Кружевные галстуки, бархатные отвороты, тросточки изъ струнъ — все это такъ же далеко отъ насъ, какъ красный жилетъ Теофиля Готье. „Серьезные журналы, журналы съ объявленіями, выходящіе въ сотняхъ тысячахъ экземплярахъ, завалили прилавки вокругъ Одеона“... „Героическая, доблестная, торжественно-политическая эпоха расцвѣта „молодыхъ“, — говоритъ далѣе Джерольдъ, — конечно, почти не была извѣстна за предѣлами Парижа. „Молодые“ не были поняты внѣ Парижа уже потому, что необходимо было быть среди нихъ, чтобы что-нибудь понять у нихъ. Сами бульвары ничего о нихъ не знали, или знали лишь очень немного, и это немного было оши-

бочно. У „молодыхъ“ первымъ принципомъ было—чтобы ихъ не знали внѣ ихъ кружка. Не имѣть успѣха—это былъ ихъ второй принципъ, въ настоящее время столь же забытый, какъ и все остальное. Всячески стараясь не быть понятными, они дѣйствительно были непонятны. Впрочемъ, эхо ихъ дѣятельности отдалось немного въ Лондонѣ въ такихъ изданіяхъ, какъ „Dome“, „Knight Errant“, „Pageant“, „Yellow-Books“. Когда прекратилось изданіе „Savoy“, въ Парижѣ тоже наступали уже сумерки эпохи. Молодая Америка дѣлала геркулесовы усилія, на какія способна именно только Америка, чтобы попасть въ тонъ „молодыхъ“ и сравниться съ ними въ ихъ шикѣ. „Charbook“ на томъ и погибъ. Но „молодые“ остались непонятными для Америки.“

О послѣдней книгѣ О. Уайльда.

Разбирая „De Profundis“ Оскара Уайльда, Артуръ Саймонъ пишетъ: „Самое цѣнное въ книгѣ то, что въ ней О. Уайльдъ пытается запечатлѣть въ словахъ то состояніе духа, которое овладѣло въ тюремномъ одиночествѣ человѣкомъ, до тѣхъ поръ рѣдко остававшимся въ одиночествѣ и не знавшимъ лишенія свободы. На мой взглядъ самое трогательное, потому что самое реальное, то мѣсто въ книгѣ, гдѣ авторъ (желая просто истолковать одно разсужденіе) говоритъ: Съ тѣхъ поръ, какъ докторъ позволилъ мнѣ получать бѣлый хлѣбъ, вмѣсто грубаго, чернаго тюремнаго хлѣба, мнѣ этотъ бѣлый хлѣбъ кажется такимъ лакомствомъ, что въ концѣ каждаго обѣда я сосредоточенно съѣдаю всѣ крошки, остающіяся на моемъ оловянномъ блюдѣ или на грубомъ полотенцѣ, служащемъ мнѣ вмѣсто скатерти; я дѣлаю это не отъ голода, но чтобы не потерять того, что мнѣ дано“. Мало найдется столь же простого, столь же очаровательнаго и столь же непосредственнаго, какъ это признаніе!“

„Athenaeum“ о „Петрѣ“ Д. С. Мережковскаго.

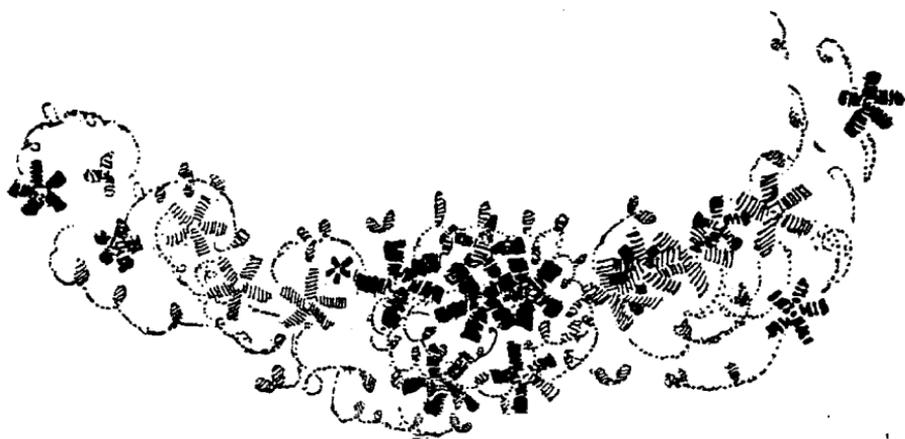
Подобно громадному большинству западныхъ читателей, англійскій еженедѣльникъ, разбирая только-что появившійся въ англійскомъ переводѣ романъ „Петръ и Алексѣй“, совершенно упускаетъ изъ виду замѣчательный и основной замыселъ Д. С. Мережковскаго оцѣнивая въ романѣ исключительно лишь „историческую“ „иллюстрационную“ сторону. Характерно при этомъ отмѣтить „шокирующее“ впечатлѣніе, производимое на англичанъ многочисленными въ романѣ описаніями различныхъ жестокостей и изувѣрствъ. „Мережковскій—пишетъ „Athenaeum“ безспорно обладаетъ огромной описательной и повѣство-

вательной силой, но мы отъ души желали бы, чтобы онъ насъ избавилъ отъ нѣкоторыхъ ужасовъ, которые содержитъ его книга. Въ раскапываніи же всѣхъ разказовъ о звѣрствахъ и неводержанностяхъ Петра онъ выказалъ прямо-таки удивительное мужество. Описанія пьяныхъ оргій Петра и его приближенныхъ, и различныхъ выходовъ на „ассамблеяхъ“—по всей вѣроятности преувеличены. Впрочемъ Мережковскій показываетъ намъ и кое-какія свѣтлыя стороны характера Петра, этого самодержавнаго великана, какъ назвалъ его Пушкинъ. И объ этомъ не нужно забывать, читая о менѣ свѣтлыхъ его сторонахъ... Контрастъ между темными повѣрьями старины и новыми теченіями, вводимыми Петромъ, обрисованъ прекрасно. Книга близко придерживается исторіи, и всѣ дѣйствующія лица трагедіи выведены на сцену. Мережковскій загромоздилъ свое произведеніе массой мелкихъ подробностей, показывающихъ его огромныя познанія въ антикварной области. Впрочемъ, намъ кажется, авторъ ошибается, приписывая сестрѣ Петра, Софіи, переводъ „Précieuses Ridicules“ Мольера. Наталья, младшая сестра, любительница сценическаго искусства, имѣвшая, свой театръ, занималась переводами разныхъ пьесъ и, какъ говорятъ, перевела „Le Médecin malgré lui“. Софья же, повидимому, совсѣмъ не знала французскаго языка... Англійское изданіе „Петра и Алексѣя“ (Messrs. Constable) выполнено добросовѣстно и вполне удобочитаемо. Переводчикъ, прекрасно знакомъ съ русскимъ языкомъ и сумѣлъ удачно справиться съ разными поговорками и народными оборотами, введенными въ книгу, и англійскій читатель сможетъ по переводу составить себѣ вполне ясное представленіе объ этой странной, полной такой ужасной силы, книгѣ“.

Тютчевъ.

Въ послѣднемъ № прекратившагося журнала „Научное Слово“ Ю. Айхенвальдъ пишетъ о Тютчевѣ. „Ключъ къ поэзіи Тютчева далъ Вл. Соловьевъ, и говорить о ней послѣ знаменитаго философа можно только исходя изъ его основной идеи. Вл. Соловьевъ сказалъ, что никто глубже Тютчева не захватывалъ таинственной основы, „темнаго корня“ бытія. Да, Тютчевъ былъ поэтъ хаоса. Однако, Тютчевъ своей ночью не болѣлъ. Она только опанхнула его черными крыльями, но она не проникла въ него, какъ драма, какъ отчаянье. Вѣроятно, душевная организація Тютчева не была благоприятна для того, чтобы въ ней прочно гнѣздилась трагедія хаоса и тьмы. И потому, хотя онъ зналъ зловѣщую сторону любви, но самъ онъ любилъ нѣжно, рыцарски, и въ самой страсти, глубокой и серьезной, сохранялъ онъ то бла-

городство и умиленіе, которыя вообще существенны для его поэзіи. Говоря о женщинѣ, онъ находитъ слова изысканно-прекрасныя или же ласковыя и трогательныя. Свидѣтель и провидецъ ночи, Тютчевъ въ то же время любилъ и идиллію міра,—весну, южное солнце, подъ лучами котораго онъ „заслушивался пѣнья великихъ, средиземныхъ волнь“. Его южная душа тосковала по тѣмъ краямъ, гдѣ „лавровъ стройныхъ колыханье зыблетъ воздухъ голубой“. Глубоко чувствуя трагическія тѣни въ природѣ, онъ тѣшилъ себя ея мирными картинами, ея Stilleben, ея очаровательной радугой, которая „полнеба охватила и въ высотѣ изнемогла“. Онъ зналъ, что „такъ легко не быть“ и примирялся съ этимъ. Осень вызывала въ немъ умиленное участіе, и онъ любилъ въ ней „кроткую улыбку увяданья“. Для Тютчева жизнь сердца и жизнь вселенной образовывали стройное созвучіе, великую и вѣчную риему.

ЛѢТОПИСЬ

ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

Некрологъ. † 11 ноября н. ст. Альфредъ Рамбо, историкъ.—20 ноября А. Л. Боровиковскій, юристъ - писатель.—28 ноября ст. ст. въ Ярославлѣ, Л. Н. Трефолевъ, поэтъ.—29 ноября, въ Петербургѣ П. А. Гильдебрантъ, археологъ.—9 декабря, въ Петербургѣ, Левъ Феликсовичъ Лагоріо.—Въ Парижѣ, Адольфъ Табаръ, скульпторъ.—12 декабря н. ст. въ Сициліи, William Sharp, поэтъ, писавшій подъ псевдонимомъ Fiona Macleod. — 20 декабря н. ст., въ Санъ-Ремо. Henry Harland, бывшій редакторъ „The Yellow Book.“—Въ Лондонѣ, Симеонъ Соломонъ, художникъ, близкій другъ Д. Г. Россетти и Бернъ Джонса.—Въ Брюсселѣ Исидоръ Верхейденъ, художникъ-портретистъ.—Въ Парижѣ Шарль Бюло (Ch. Bullo), съ 1893 г. редакторъ „Revue de deux Mondes“. — 6 января ст. ст., въ Петербургѣ, Н. А. Лейкинъ, беллетристъ.—12 января ст. ст., въ Москвѣ, Н. И. Стороженко, историкъ литературы.

✱

29 декабря состоялось годовое торжественное засѣданіе Академіи Наукъ. Въ прочитанномъ отчетѣ сообщалось, между прочимъ, что за истекшій годъ Академія отклонила предложеніе комитета министровъ давать заключеніе о книгахъ, предложенныхъ къ запрещенію; высказалась, въ запискѣ поданной въ комитетъ министровъ, противъ стѣсненія малорусскаго печатнаго слова; снарядила экспедицію въ Испанію для наблюденія 17 августа полнаго солнечнаго затмевія; предприняла изданіе собственнаго органа на нѣмецкомъ языкѣ; продолжала работать въ различныхъ существующихъ при Академіи научныхъ комиссіяхъ. Комиссія по увѣковѣченію памяти Пушкина окончательно установила мѣстомъ его памятника въ Петербургѣ уголь Каменноостровскаго проспекта и набережной Петра Великаго; въ связи съ памятникомъ рѣшено устроить зданіе

для Пушкинскаго музея, библіотеки и т. под. Премія Н. Костомарова (вторая) присуждена за „Словарь Украинскаго языка“, собранный редакціей „Кіевской Старины“; премія Э. Шуберга—астроному Хиллю (G. W. Hill); меньшая премія гр. Уварова—Н. Фирсову за сочиненіе „Правительство и общество въ царствованіи Екатерины II“; двѣ неполныя преміи митр. Макарія—Э. Лейсту и Н. Булгакову. Въ истекшемъ году Академія получила 3000 р. отъ С. Шубинскаго для учрежденія преміи за лучшее сочиненіе по русской исторіи преимущественно XVIII вѣка, и капиталъ 193.900 р., завѣщанный М. Ахматовымъ на преміи за научныя и литературныя труды.

✱

29 декабря состоялось засѣданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ („Литературнаго Фонда“). Изъ отчета (съ 1 февраля по 27 декабря) выяснилось, что литература переживаетъ кризисъ, по причинѣ котораго число литераторовъ, нуждающихся въ пособіяхъ, значительно выросло. Въ расходномъ капиталѣ Общества сдѣланъ значительный перерасходъ въ виду огромнаго спроса на ссуду. Впрочемъ, общая сумма всѣхъ средствъ Фонда составляла къ 29 декабря 686.156 р. 46 к.

✱

Быстрая смѣна событій въ Россіи не позволяетъ „Вѣсамъ“ слѣдить за жизнью ежедневныхъ изданій и не дала возможности въ свое время отмѣтить ряда новыхъ газетъ, нынѣ уже прекратившихся. Среди многочисленныхъ сатирическихъ листковъ, „Вѣсы“ должны отмѣтить появленіе „Жупела“, считающаго среди своихъ сотрудниковъ—художниковъ К. Сомова, Е. Лансере, Л. Бакста, М. Добужинскаго, Ю. Чемберса. Среди новыхъ ежемѣсячниковъ отмѣтимъ новый литературный и художественный журналъ „Золотое Руно“, который будетъ выходить въ Москвѣ подъ редакціей Н. Рябушинскаго.

✱

Въ Петѣрбургѣ не состоялись двѣ предполагавшіяся выставки: „Союза“ и М. В. Нестерова. Предполагается выставка „Міра Искусства“, устраиваемая С. П. Дягилевымъ. Н. Рерихъ получилъ приглашеніе отъ кружка Maues въ Прагѣ устроить отдѣльную выставку. Какъ передаютъ, кн. М. К. Тенишева устраиваетъ весною въ Парижѣ выставку коллекцій своего Смоленскаго Музея и художественно-прикладныхъ вещей — изъ мастерскихъ въ Талашкинѣ.

✱

Изъ Академіи художествъ кромѣ вице-президента вышли В. М. Васнецовъ, И. Е. Рѣпинъ и ректоръ—Л. Н. Бенуа. Впрочемъ, изъ

дѣятельности Академіи надо отмѣтить, что она присудила званіе академика М. А. Врубелю.

*

Въ Маринскомъ театрѣ, наконецъ, поставленъ прологъ „Кольца Нибелунговъ“—„Золото Рейна“. Декорации писаны Головинымъ и, конечно, интересны, но немного слащавы и уступаютъ постановкѣ „Гибели боговъ“. Исполненіе, кромѣ Славиной и Ершова, было довольно посредственное.

*

Первое представленіе новой пьесы Г. Гауптмана „Und Pippa tanzt“, данное въ Берлинѣ, въ Lessing—Theater, вызвало восторгъ одной части зрителей и шумные протесты другой.

*

Въ Санъ-Франциско, въ книжной торговлѣ нѣкоего Робертсона выставлена единственная въ своемъ родѣ коллекція всѣхъ книгъ, изданныхъ Оскаромъ Уайльдомъ, отъ „Равенны“ до „Сатирикона“ Петронія, который Уайльдъ перевелъ въ послѣдніе дни своей жизни. Здѣсь же также рѣдчайшіе экземпляры изданной въ самомъ небольшомъ числѣ „Апологіи О. Уайльда“ Даль-Іёнга, собственноручное письмо Уайльда и рукопись 4-го акта „The Ideal Husband“.

*

Премія Академіи Гонкуровъ присуждена Клоду Фаррееру молодому флотскому офицеру, за его книгу „Les Civilisées“ и Ромэну Роллану за романъ „Jean Christophe“.

*

Токійскій врачъ Югошива предпринялъ изданіе сочиненій Шопенгауэра по-японски.

*

Среди длиннаго ряда Парижскихъ художественныхъ выставокъ можно отмѣтить собраніе произведеній Тео ванъ-Риссельберга, въ галлерей Дрюс; выставку молодого голландскаго художника (пуантилиста, по манерѣ) Kees Van Dongen, въ той же галлерей, и выставку скульптуры малоизвѣстной, но заслуживающей величайшаго вниманія г-жи Камиллы Клодель.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ виду многочисленныхъ просьбъ нашихъ читателей мы рѣшили расширить программу «Вѣсовъ», начатыхъ какъ исключительно критическій журналъ. Съ 1906 г. въ «Вѣсахъ» печатаются, кромѣ критическихъ и философскихъ статей, — стихотворенія, романы, повѣсти, рассказы, драмы и всѣ другія произведенія творческой литературы. Но, попрежнему, «Вѣсы» будутъ знакомить читателей съ литературной и художественной жизнью всего міра, въ письмахъ изъ-за границы отъ собственныхъ корреспондентовъ, въ подробной библиографіи русскихъ и иностранныхъ книгъ, въ самостоятельныхъ отчетахъ о выдающихся выставкахъ, спектакляхъ, концертахъ и въ ежемѣсячной лѣтописи, литературной, художественной, театральной и музыкальной.

Редакція предполагала издать по расширенной программѣ уже декабрьскую книжку 1905 года. Однако извѣстныя декабрьскія событія въ Москвѣ сдѣлали совершенно невозможной правильную работу, какъ въ редакціяхъ, такъ и въ типографіяхъ и начатое печатаніе № 12 не могло быть закончено до праздниковъ Рождества. Такимъ образомъ редакціи приходилось выпустить одновременно, въ январѣ с. г., и декабрьскую книжку 1905 г. и январскую 1906. Такъ какъ, по необходимости, онѣ оказались бы тождественными въ чисто-журнальномъ матеріалѣ, — редакція рѣшилась соединить ихъ въ одной книгѣ.

Книга эта разсылается подписчикамъ 1905 г., какъ № 12,

а подписчикамъ 1906 г., какъ № 1. Подписчики 1905 г., возобновляющіе подписку на 1906 г., могутъ, взаѣмнъ полученія двухъ экземпляровъ этой книги, или уплатить на 50 к. менѣе (4 р. 50 к. вмѣсто 5 р. за годъ), или получить бесплатно одно изъ слѣдующихъ изданій к-ва «Скорпіонъ» (съ пересылкой на счетъ к-ва):

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора и предисловіемъ Валерія Брюсова (М. 1904 г. Ц. 2 р.).

Ив. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенія. (М. 1905 г. Ц. 1 р.).

Андрей Бѣлый. Сѣверная Симфонія (1-я, героическая), въ 4 частяхъ. Обложка по рисунку О. Бердслея. (М. 1904 г. Ц. 75 к.).

Валерій Брюсовъ. Письма Пушкина и къ Пушкину. Изслѣдованіе по новымъ матеріаламъ, съ приложеніемъ факсимиле писемъ и рисунковъ Пушкина. (М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.).

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. (М. 1901 г. Ц. 1 р.).

Г. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Н. Семенова. (М. 1902 г. Ц. 70 к.).

Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. Переводъ съ англійскаго, въ стихахъ, К. Бальмонта. Обложка (портретъ О. Уайльда) работы М. Дурнова. (М. 1904 г. Ц. 50 к.).

Жагадисъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Теофилактова. (М. 1905 г. Ц. 65 к.).

Сѣверные Цвѣты на 1901 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка и виньетки К. Сомова. (М. 1902 г. Ц. 1 р.).

Сѣверные Цвѣты на 1902 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка и виньетки К. Сомова. (М. 1902 г. Ц. 1 р.).

Гг. подписчики 1905 г., возобновляющіе подписку на 1906 г., благоволятъ при самой подпискѣ, или отдѣльнымъ письмомъ, увѣдомить, желаютъ ли они 1) сдѣлать скидку въ 50 к. съ подписной цѣны, 2) получить 2 экз. декабрьскаго (январскаго) № или 3) одно (по ихъ выбору) изъ перечисленныхъ изданій.

«Вѣсы» въ 1906 г. будутъ выходить, какъ и въ предыдущіе два года, ежемѣсячно, книжками въ 80 стр. и болѣе, съ оригинальными рисунками и виньетками. Подписная цѣна на годъ, съ пересылкой по Россіи, пять рублей; за границу СЕМЬ рублей (18 франковъ). Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23, книгоиздательство «Скорпіонъ», и въ Отдѣленіи Конторы: Петербургъ, Садовая, 18, книжный складъ «Комиссіонеръ».

Подписчики «Вѣсовъ» пользуются скидкой въ 15% цѣны со всѣхъ изданій книгоиздательства «Скорпіонъ», съ бесплатной пересылкой изданій по всей Россіи. Каталоги к-ва «Скорпіонъ» высылаются бесплатно по первому требованію.

УКАЗАТЕЛЬ КЪ ЖУРНАЛУ «ВѢСЫ» 1905 ГОДА.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ.

Русскій алфавитъ.

- Аврелій, Замятки о книгахъ. I, 71, 72, III, 75, VII, 59, 71, 74, VIII, 65. IX—X, 102, 105, XI, 68.
— Генрихъ Фогелеръ. IV, 29.
— Вѣхн. XI, 61, XII—I.
- Альфа. Замятки о книгахъ. IX—X 107.
- Аннибадь, Л. Замятки о книгахъ. VI. 63.
— Обзорѣніе русскихъ журналовъ. IX—X, 81.
- Арбалетъ. На выставкахъ. (Выставка «Союза» и «Московского Товарищества» въ Петербургѣ. — Ученнческая выставка въ Московскомъ Училищѣ Живописи и Ваянья). I, 45.
— В. Берисовъ-Мусатовъ. II, 31.
- А—тъ. Замятки о книгахъ. VI, 64.
- Бальмонтъ, К. Поэзія стихій. I, 1.
— Тайна одиночества и смерти. II, 1.
— Въ странахъ солнца. IV, 1; VI, 19, VIII, 13.
— Отзывы о книгахъ. IX—X, 95.
— Надъ вѣчнымъ моремъ. 18 стих. XII—I, 1.
- Бачинскій, А. Замятки о книгахъ. II, 56, 63, 64; III, 74, 75. IV, 66, 67; V, 60; VI, 71, IX—X, 104, 107, 111, 112. XI, 73, 75. XII, 73, 75, XII—I, 83, 84.
- Брюсовъ, Валерій. Свидѣнная жертва. I, 23
— Замятки о книгахъ. I, 65, 66. III, 60, IV, 50, 65; V, 65, VI, 5,
- VII, 53, VIII, 55, 64, 65. IX—X, 91, 92, XI, 67, 68. XII—I, 76, 77.
— Въ защиту отъ одной похвалы. V, 37.
— Фіалки въ Тигелѣ. VII, 9.
— Семь пѣсенъ Матерлинка. VII, 19.
— Одному развизному критику. IX—X, 88.
— Республика Южнаго Креста. XII—I, 25.
- Бѣлый, Андрей. Апокалипсисъ въ русской поэзіи. IV, 11.
— Химеры. VI, 1.
— Въ защиту отъ одного нареканія. VI, 40.
— Разъясненіе В. Иванову. VIII, 45.
— Лугъ Зеленый. VIII, 5.
— Сфинксъ. IX—X, 23.
— Князь, С. Н. Трубенкой. IX—X, 79.
— Замятки о книгахъ. I, 63; VI, 69, 70, VII, 67, 70, 71, VIII, 65. IX—X, 106, 108, 109, 110, 111; XI, 75.
- В. Къ юбилею Шиллера. V, 1.
- В. Б. Замятки о книгахъ. II, 60.
- В. С. Замятки о книгахъ. II, 54, IV, 62, V, 56; XII—I, 81, 82.
- Вилькина, Л. Айсдора-Денканъ. (Письмо изъ Петербурга). I, 42.
- Волошинъ, Максъ. Творчество М. В. Якунчиковой. I, 30.

- Письмо изъ Парижа. (Выставка у Жоржа Пти). IV, 32.
- Гармодій. Замѣтки о книгахъ. II, 58; IX—X, 103; XI, 76; XII—I, 80.
- Годзпшевская, Я. Замѣтки о книгахъ IV, 66
- Г—ъ. Замѣтки о книгахъ. VIII 57, 59, 63.
- Дятилевъ, С. Въ часть итоговъ, IV, 45.
- Е. Т. Письмо изъ Польши. VIII, 48
- Ивановъ, Вячеславъ. Вагнеръ и Дионисово дѣйство. II, 13.
- О «Красномъ смѣхѣ» и «правомъ безуміи». III, 43.
- О нисхожденіи. V, 26.
- Изъ области современныхъ настроеній. VI, 35.
- О «Химерахъ» Андрея Бѣлаго. VII, 51.
- Замѣтки о книгахъ. VII, 56.
- Киріенко, Эмилианъ. Россо (Письмо изъ Парижа). I, 45.
- Кречеговъ, Сергій. Замѣтки о книгахъ. III, 68.
- «Дачники» М. Горькаго на сценѣ Интернаціональнаго театра. III, 93.
- Лео. Замѣтки о книгахъ. I, 72. II, 64.
- Лернеръ, Н. Замѣтки о книгахъ. VII, 73.
- Ликіардопуло, М. Замѣтки о книгахъ. VII, 63. XII—I, 79; 85.
- Лютеръ, А. Замѣтки о книгахъ, IX—X, 98. XI, 69, 70, 71.
- Нѣмецкая литература въ 1905 г. XII—I, 62.
- Мережковский, Д. Умытыя руки. IX—X, 50.
- О Чеховѣ. XI, 1.
- Нелендеръ, В. Замѣтки о книгахъ. II, 64.
- О творчествѣ Н. Рериха. VIII, 46.
- Пентауръ. Замѣтки о книгахъ. I, 70; II, 60. IV, 63; V, 44, 45.
- Петровская, Нина. Замѣтки о книгахъ. IV, 48. VII, 57.
- Печковский, А. Письмо изъ Гельсингфорса. II, 39.
- П. Э. Замѣтки о книгахъ. III, 76; V, 61, 62.
- Изъ польской литературы. III, 93.
- Р. Замѣтки о книгахъ. III, 76, 77.
- Рафаловичъ, С. Петербургскіе театры. IV, 76; V, 47; VI, 61, 63; VIII, 61.
- Р—евъ, Замѣтки о книгахъ. II, 61, 62.
- Ремизовъ, А. Письмо изъ Кіева. II, 39.
- Рерихъ, Н. К. Врубель. II, 27.
- Девассари Абунту. VIII, 1.
- Розановъ, В. В. Зачарованный лѣсъ. II, 17.
- Нѣчто о прекрасной природѣ. V, 18.
- Выставка историческихъ русскихъ портретовъ. VI, 43.
- Мечта въ шелку. VII, 1.
- Россинскій, Владиміръ. На выставкѣ Союза. III, 55.
- Рунтъ, Б. Замѣтки о книгахъ. I, 67; VI, 71.
- Р. В. Замѣтки о книгахъ. VII, 74.
- Садовской, Борисъ. Замѣтки о книгахъ. II, 52, 62; III, 75; IV, 53; VIII, 62; XI—X.
- О новой критикѣ. IX—X, 73.
- Погибшій пловецъ. VIII, 43. IX—X, 96.
- Поэзія Веневитинова. XI, 56.
- Спринъ. Замѣтки о книгахъ. I, 63, 70. II, 55. III, 71, 72. IV, 60; V, 54; VI, 60.
- С. К. Замѣтка о книгѣ. VII, 62.
- Смирновъ, П. Замѣтки о книгахъ. IV, 47.
- Соловьевъ, Сергій. Айсадора Денканъ въ Москвѣ. II, 33.
- Замѣтки о книгахъ. IV, 61.
- Бассандра.—Геро и Леандръ.—Рыцарь Тогенбургъ. (Изъ Шиллера). V, 4.
- Смерть Н. Трубецкого. IX—X, 76.
- Сологубъ, Фѣдоръ. Елисавета. XI, 27.

- Степановъ, Н. Выставка историческихъ портретовъ. VIII, 37. IX—X, 58.
 Ходасевичъ, В. Замѣтки о книгахъ. V, 55.
 Щукинъ, Ив. Замѣтки о книгахъ. I, 52; II, 45, 49, 50, 51. III, 63, 66, IV, 56, 58. V, 49, 50, 51, 52. VI, 66, 67 VII, 64, 65.
 Эглитъ, В. Письмо изъ Риги. VII, 45.
 Эллингъ, Замѣтки о книгахъ. I, 60.
 Эсовъ, Е. Письмо изъ Бельгии. (12 салонъ «Свободной Эстетики»). IV, 38. 2-е Письмо изъ Бельгии V, 40; 3-е Письмо изъ Бельгии VI, 51; 4-е Письмо изъ Бельгии IX—X, 65.

Иностранный алфавитъ.

- Aubrey Beardsley. Подъ Холмомъ. XI, 30.
 — Застольная болтовня. XI, 50.
 Filloneau-Jarr, К. Одежда и Мода. II, 22.
 Ghil, René. Замѣтки о книгахъ. I, 57; II, 43, 55; IV, 52; VI, 56, 57, 59; VII, 6; VIII, 57; XII—I, 77.
 — Письма о Французской поэзии. III, 48; VII, 26.
 J. de Gourmont. Французскій романъ и романисты. VIII, 31.
 Lili Grossmann. Письмо изъ Берлина. VII, 39.
 Hochschüller Max. Замѣтки о книгахъ. V, 52.
 Makowski, Wazlaw. Драма воли. IX—X, 1.
 Moréas, Jean. La Vierge au tournoi XII—I, 23.
 Morfill, Письмо изъ Англии. I. 50. V, 43. IX—X, 71.
 Nirvanas, P. Новогреческій театр. II, 33.
 Ostroga, F. Письмо изъ Женевы. Музыкальный сезонъ. IV, 41.
 Picca, Vittoria. Aubrey Beardsley. XI, 53.
 Taciturno. Замѣтки о книгахъ. V, 57. IX—X, 100.
 The Twins. Письмо изъ Вѣны. VI, 46.
 Wilde, Oscar. De profundis. III, 1.

УКАЗАТЕЛЬ РАЗОВРАННЫХЪ КНИГЪ.

- Русскія книги.
 Авенаріусъ, Р. Критика Чистаго Опыта въ популярномъ изложеніи А. Луначарскаго. IX—X, 100.
 Аксельродъ, Л. О проблемахъ идеализма. VIII, 65.
 Альманахъ К—ва. «Грифъ». III, 60.
 Ариэль, Арнольдъ. Долой женщинъ! III, 68.
 — Мракъ. VII, 59.
 А. К. Стихи. VII, 53.
 Алексѣевъ, В. Г. Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма. V, 57.
 Байронъ. Сочиненія. II, 61. IX—X, 103.
 Бальмонтъ, К. Д. Собраніе стиховъ. I, 73.
 — Литургія красоты. IV, 50.
 — Собраніе стиховъ. Томъ I. IV, 50.
 — Фейнныя сказки. XII—I, 76.
 Бартъ де ла, графъ. Шатобрианъ и поэтика мировой скорби. XII—I, 81.
 Бебель, Августъ. Антисемитизмъ и пролетаріатъ. X—IX, 111.

- Бельтовъ. За двадцать лѣтъ. XI, 76.
- Бергъ, Лео. Сверхчеловѣкъ въ современной литературѣ. IV, 61.
- Беркли, Джорджъ. Трактатъ о началахъ человеческого знанія XII—I, 83.
- Билбианъ, П. Вольга. I, 70.
- Буличъ, Н. Н. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія начала XIX вѣка. IV, 62.
- Вандервельдъ, Э. Идеализмъ въ марксизмѣ. IX—X, 110.
- Вашкевичъ, Н. Дионисово дѣйство современности. IX—X, 92.
- Введение въ философію Герберта Спенсера, въ краткомъ изложеніи Н. М. Любомудрова. VII, 70.
- Виндельбандъ, Вильгельмъ. О свободѣ воли. IX—X, 107.
- Вундтъ, Вильгельмъ. Естествознание и психологія. I, 63.
- Въ защиту слова. Сборникъ. VIII, 62.
- Генягинъ, П. О. Прибалтійскіе напѣвы. VI, 71.
- Головановъ, Н. Искаріотъ. VIII, 65.
— Юліанъ-Отступникъ. VIII, 65.
- Гофманъ, Викторъ. Книга вступленій. Лрика 1902—1904 г. I, 65.
- Гроддекъ Г. Проблема женщины. III, 68.
- Грушевскій, Прсф. Мих. Очеркъ исторіи украинскаго народа. V, 56.
- Гумилевъ, К. Путь колышадоровъ. XI, 68.
- Декабристы. Тайныя общества въ Россіи. XII—I, 80.
- Декабристы въ Западной Сибири. XII—I, 80.
- Доброблюбовъ, Александръ. Изъ книги невѣдомой. V, 64.
- Дьяконова, Е. Дневникъ русской женщины. V 48.
- Дымовъ, Осипъ. Солдатовъ. Разказы. VI, 57.
- Ернсфельтъ, Арвидъ. Три судьбы. II, 62.
- Жаковъ, К. Теорія пережѣнаго и предѣла въ гносеологіи и въ исторіи познания. II, 63.
- Жоресь, Ж. Аграрный социализмъ. Социализмъ и крестьянство. X—IX, 109.
- Ж. Владмиръ. Бѣдная Шарлотта. III, 75.
- Зеленый сборникъ стиховъ и прозы. I, 66.
- Зѣлшский, О. Изъ жизни идей. I, 70.
- Юдъ, Фр. Л. Фейербахъ. Его жизнь и ученіе. XIII, 63.
- Каутскій, Карлъ. Программа германской рабочей партіи. X—IX, 110.
- Коринфскій, Аполлонъ. Въ лучахъ мечты. XI, 67.
- Крандѣвская, А. То было раннею весной. I, 67.
— Ничтожныя. I, 67.
- Крыловъ, И. Полное собраніе сочиненій. XII—I, 82.
- Крымскій А. Семитскіе языки и народы. V, 63.
- Липаевъ, Ив. Вагнеріана. I, 71.
- Лихтанберже, А. Р. Вагнеръ. XI, 73.
- Маковскій, Сергѣй. Собраніе стиховъ. VI, 65.
- Марксъ, Карлъ. Ницета философіи. VII, 71.
- Менгеръ, Антоновъ. Новое ученіе о государствѣ. VII, 67.
- Матерлинкъ, Морисъ. Двѣнадцать лѣсенъ, въ переводѣ Г. Чулкова. VII, 56.
- М. Ф. Мпшка Либинъ. III, 75.
- Некрасовъ, П. А. Ляхтинъ, Л. К. Лопатинъ, Л. М. Мпшцъ, А. П.—Николай Васильевичъ. Бугаевъ, IX—X, 104.
- Нижегородскій сборникъ. Изд. т-ва «Знаніе». IV, 47.
- Ньюкомъ, С. проф. Астрономія для всѣхъ. XII—I, 84.
- Овидій Назонъ, П. Наука любить. Пер. В. Алексѣева. XI, 68.

- Наука любви. Пер. А. Манна. XI, 68.
- Овсяннико-Куликовский. Синтаксис русского языка. III, 72.
- Огаревъ, Н. П. Стихотворенія. II, 60.
- Олстонъ, Леонардъ. Общій очеркъ современныхъ конституцій. VII, 70.
- Оствальдъ, В. Письма о живописи. IX—X, 112.
- Очерки по исторіи Германіи въ XIX вѣкѣ. II, 64.
- Папюсъ. Первоначальныя свѣдѣнія по оккультизму. II, 58.
- Парфеневъ, И. Идеи непрерывности и прерывности. VI, 70.
- Пушкинъ, А. С. Сочиненія. Редакція П. А. Ефремова. Т. VIII. IX—X, 96.
- Пшябышевскій, Станиславъ Сыны Земли I, 73.
— De profundis. IV, 67.
- Пыпинъ, А. Н. Н. А. Некрасовъ. IV, 53.
- Рафаловичъ, Свѣтлыя пѣсни. XII—I, 77.
- Рербергъ, Ф. И. Краски и другіе художественныя матеріалы. VI, 64.
- Риккертъ, Генрихъ. Введеніе въ трансцендентальную философію. IX—X, 106.
- Росенбергъ, Вл. и Якушкинъ, В. Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ. II, 52.
- Русскій. Думы и пѣсни. III, 75.
- Русскій Музей Императора Александра III. Каталогъ живописи и скульптуры. V, 63.
- Сборникъ Товарищества «Знаніе» кн. III—II, 60; кн. IV, IV, 47; кн. V, IV, 47; кн. VI, V, 45.
- Сборникъ молодыхъ писателей. VI, 71.
- Семеновъ, Леонидъ. Собраніе стихотвореній. VI, 55.
- Скартаццини I. Данте. XI, 75.
- Содди, Ф. проф. Радиоактивность. II, 56.
- Соколовъ, Н. М. Второй сборникъ стихотвореній. IX—X, 90.
- Соловьева, П. (Allegro). Иней. VIII, 55.
- Сто русскихъ писателей. Альбомъ. Составилъ В. А. Никольскій. I, 71.
- Стражевъ, В. Opuscula. III, 75.
- Сѣверныя Пѣты, Ассирійскіе. Альманахъ 4-й. VI, 69.
- Танъ. Стихотворенія. V, 44.
- Уайльдъ, О. Портретъ Доріана Грея. I, 60.
- Успѣхи физики. Сборникъ. V, 60.
- Фаресовъ. Семидесятники. II, 54.
- Фишеръ, Лоренцъ. Фридрихъ Ницше—антихристъ въ новѣйшей философіи. IV, 61.
- Флетчеръ Д. О государствѣ русскомъ. XI, 75.
- Халатовъ, Борисъ. Стихъ и Душа. VIII, 64.
- Хвольсонъ, О. Д. Курсъ физики. IX—X, 111.
- Челпановъ, Г. проф. Введеніе въ философію. IX—X, 108.
- Шерръ, У. Иллюстрированная всеобщая исторія литературы. IV, 63.
- Щеголевъ, П. Е. Грибовъдовъ, А. С. VII, 73.
— Декабристы. VII, 73.
- Энциклопедическій словарь. Изд. Ф. Брокгауза и И. Эфрона. IX—X, 105.
- Фоминъ, П. И. Введеніе въ исторію философіи. IX—X, 107.
- Французскія книги.
- Annuaire pour l'an 1905, publié par le Bureau des longitudes. II, 64.
- Bastelaer René van et Georges de Loo, Peter Bruegel l'ancien, son oeuvre et son temps. V, 62.
- Bonnaamour G. Le vent emporte la poussière. I, 57.

— Vers l'autre. V^{III}, 65.
 Bourges, Elemir. La Nef. III, 77.
 Dinot, E. Les fléaux de la peinture. II, 48.
 Dubus, Edouard. Quand les violons sont partis. V^I, 56.
 Erlande, Albert. Jolie personne. V^{II}, 74.
 France, Anatole. Sur la pierre blanche. V^{III}, 61.
 Frappié, Léon. La Maternelle. V, 47.
 Fricken, Alexis von. Le réveil de l'esprit aryen dans l'art de la Renaissance. II, 51.
 Gobineau, comte de. Pages Choisies. V, 60.
 Golberg, Mécislas. Lettres à Alexis. I, 72.
 Jozs, Virgile. Antoine Watteau. V^{III}, 63.
 Kryszynska, Marie. La Force du Désir. V^I, 72.
 Leconte, Sébastien Charles. Le sang de Méduse, V^I, 59.
 Mendès, Madame Catulle. Les Charmes. II, 43.
 Merki, Gharles. La reine Margot et la fin des Valois. III, 66.
 Nau, John-Antoine. Le prêteur d'amour. V^I, 57. III, 71.
 Nolhac, Pierre de. J. M. Nattier, peintre de la cour de Louis XV. II, 45.
 Pierre, J. Le vrai Rollinat. II, 55.
 Ramiro, Erastène. Félicien Rops. IV, 56.
 Régnier, Henri de. Les rencontres de. M. de Bréot. V^I, 61.
 — Le passé vivant. IV, 66.
 Reinach, Salomon. Apollo, histoire générale des arts plastiques. V, 50.
 Saint-Point, Valentine de. Poèmes de la Mer et du Soleil. XIII, 57.
 Saint-Pol-Roux. De la Colombe au Corbeau par le Paon. V^{II}, 71.
 Strauss, Maurice, Le Seigneur des Mouches. III, 77.
 Stroehlin, Ernest. Jean Petitot et Jacques Bordier, IV, 58.

Varlet, Théo. Notes et Poèmes. V^{II}, 60.
 Verhaeren, Emile. Les heures d'après midi. IV, 52.
 Voisins, Gilbert de. Sentiments. V^{II}, 74.
 Werm, Fridolin. Pâques fleuries et Poèmes. XII, 77.
 Willy. Maugis Amoureux. II, 65.

Нѣмецкія книги.

Almanach—Insel. XII—I, 85.
 Arnim, Bettina v. Die Gûnderode. I, 68.
 Arrhenius, S. A. Физика Неба. III, 74.
 Auerbach, F., Царица Мира и ея Тѣнь. IV, 67.
 Baumhauer. Die neuere Entwicklung der Kristallographie. IX—X, 112.
 Burger, Fritz. Geschichte des florentinischen Grabmals von den ältesten Zeiten bis Michel-Angelo. VI, 66.
 Burckhardt, Rudolf. Cima da Conegliano VII, 65.
 Die Briefe der Frau Rath Goethe. III, 76.
 Dehmel, Rich. Ausgewählte Gedichte. IX—X, 102.
 Engels R. Tristan und Isolde. VI, 60.
 Fioerke, Hans. Studien zur niederländischen Kunst und Kulturgeschichte. II, 50.
 Goethe. Sämtliche Werke. II, 62.
 Hasse. C. Roger von der Weyden und Roger van Brügge mit ihren Schulen. IV, 64.
 Hofmansthal, Hugo von. Das gerettete Venedig. II, 66.
 — Das Märchen der 672 Nacht und andere Erzählungen. IV, 60.
 Jahrbuch der Radioaktivität und Elektronik. Erster Band. III, 75.
 Justi, Carl. Murillo. V^I, 66.
 Karpeles, Gustav. Literarisches Wanderbuch. XI, 71.

- Kautzsch, Rudolph. Die bildende Kunst und das Jenseits. V¹. 67.
- Kleist, Heinrich von. Werke. XI, 70.
- Kern, G. J. Die Grundzüge der linearperspektivischen Darstellung in der Kunst der Gebrüder Van Eyck und ihrer Schule. VI, 67.
- Kerr, Alfred. Das neue Drama. IX—X. 98.
- Musik. Sammlung illustrirter Einzeldarstellungen von Richard Strauss V, 52
- Muther, R. Francisco Goya. I, 52.
- Nagel, W. Beethoven. II, 64.
- Niemann, Gottfried. Richard Wagner und Arnold Böcklin. V, 54.
- Perry, Prof. John. Drehkreisel. VI, 71.
- Pannwitz, Rudolf. Psyche. II, 65.
- Sammlung von Pannwitz V, 62.
- Schaukal, Richard. Ausgewählte Gedichte V¹ III, 57.
- Schnitzler, Arthur. Die Griechische Tänzerin. V¹ I, 63.
- Stehr, Herman. Der begrabene Gott. V¹ II, 72.
- Strassburg, Gottfried von. Tristan und Isolde. V¹ I, 60.
- Veth, Jan. Sreifzüge eines holländischen Malers in Deutschland. V, 49.
- Viebig, K. Naturgewalten. XI, 69.
- Wagner, Richard an Mathilde Wesendouk. III, 71.
- Zur Feier des einhundertjährigen Bestandes der K.—K. Hof. & Staatsdruckerei 1804—1904. V, 61.
- Melmoth, Sebastian. The Soul of Man. I, 73.
- The Science year book for 1905. IV, 66
- Swinburn, Algernon Charles.—Collected Poems. I, 73; II, 66.
- Watson, William. Poems. 2 v. II, 66.
- Wells H. G. A. modern Utopia. V, 59.
- Wilde, Oscar. De profundis. V, 58.
- Wisdom of the East. The teachings of Zoroaster and the philosophy of the Parsi Religion. IX—X, 95.
- ИТАЛЬЯНСКІЯ КНИГИ.
- Cervesato, Arnaldo. Primavera d'idee nella vita moderna. I, 72.
- Chiesa, Francesco. La Cattedrale. II, 55.
- ПОЛЬСКІЯ КНИГИ.
- Adolf Strzelecki. Ego. IV, 66.
- Pisma Zygmunta Krasinskiego. III, 76.
- Jan Wroczyński. Gawoty gwiezdne. V, 55
- ГРЕЧЕСКІЯ КНИГИ.
- Παλαμᾶ, Κ. Γράμματα. VII, 63.
- Ρωσσιὰ Ληξίματα. XII—I, 79.
- ЛАТЫШСКІЯ КНИГИ.
- Walerija Brūsowa Poemas. Wiktore Eglišcha tulkotas. V, 63.
- АРМЯНСКІЯ КНИГИ.
- Цатуріанъ, Александръ. Русскіе поэты. V¹ II, 62.
- ЧЕШСКІЯ КНИГИ.
- Prochazka, Arnost. Odilon Redon. III, 76.
- Англійскія книги.
- Dowson, Ernest. Poems. The Pierrot of the Minute. V¹ III, 59.
- Collected Poems. VII, 72.
- James Henry. The golden Bowl. V¹ I, 63.

УКАЗАТЕЛЬ ХУДОЖНИКОВЪ.

Араловъ, А. А. Обложка, рисунки, заставки и виньетки. IX—X. Бердслей Обри. Рисунки, заставки и виньетки XI. Борисовъ - Мусатовъ, В. Обложка, рисунки, заставки и виньетки. II. Обложка. IV. Брунелески. Обложка, рисунки, 3 заставки и концовки. III. Костетти, Р. 2 виньетки. VI, 39, 45. Надельманъ, Е. 1 виньетка. VI, 19; 1 заставка. VI, 34.	Рерихъ, Н. Обложка, рисунки, заставки и виньетки. II V. Сапуновъ. Н. Обложка, рисунки, заставки и виньетки XII. I. Фогелеръ, Генрихъ. Виньетки. IV, 1, 11, 28, 29, 31. Изъ альбома «An den Frühling»—IV. Якимченко, А. Обложка, рисунки, заставки и виньетки. V II. Якуничикова, М. В. Обложка, рисунки, заставки и виньетки. I. Феофилактовъ, Н. Обложка, рисунки, заставки и виньетки. V. Обложка. VI, XI

